

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

СУРЕН ЦОРМУДЯН
НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ

FUTURE CORP.

Метро

Сурен Цормудян

**Метро 2033: Наследие
предков. Tod Mit Uns**

«АСТ»

2012

Цормудян С. С.

Метро 2033: Наследие предков. Tod Mit Uns / С. С. Цормудян —
«АСТ», 2012 — (Метро)

ISBN 978-5-271-44367-1

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Когда-то давно это была немецкая земля. Земля, обильно политая русской кровью во Второй мировой. Город-крепость Кенигсберг. Преддверие Берлина. Последний плацдарм, после взятия которого падение Третьего рейха стало неизбежным. Но даже когда отгремела Последняя война, загнавшая остатки человечества под землю, есть те, которым не дает покоя ужасное наследие предков. И во имя обладания этим наследием они готовы умирать и убивать...

ISBN 978-5-271-44367-1

© Цормудян С. С., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Живая ткань	5
Пролог	7
Часть 1	16
Глава 1	16
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	37
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сурен Цормудян

Наследие предков. Tod Mit Uns

Живая ткань

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Постыжерный Калининград-Кенигсберг... Новая, неразведанная доселе локация «Вселенной Метро 2033». Сурен Цормудян, славный своим романом «Странник» о Москве, решил написать о городе, в котором живет и служит.

Кто, как не он, может знать легенды и мифы о секретных подземных базах Третьего рейха, сооруженных фашистами перед самой войной? Кому, как не ему, профессиональному военному, задумать и создать роман о самых мрачных тайнах своего города, связать воедино его неизвестное прошлое и его страшное будущее?

Неподалеку от места действия «Наследия предков» и примерно в то же время завязывается сюжет другой книги нашей серии – романа «Ледяной плен» Игоря Вардунаса. И в «Ледяном плене» упоминается Кениг, а в «Наследии предков» – Пионерск.

Романы «Вселенной», как мы и предполагали, начинают сплетаться воедино, их герои – встречаться и взаимодействовать, их сюжеты – достраивать друг друга. Книги серии – больше не кирпичики, из которых мы складываем нашу крепость. Теперь они больше похожи на клетки единого живого организма, которые растут, развиваются, проникают друг в друга, срastаются вместе...

Выживших в Последней войне, кажется, не так много, но им уже становится тесно на выжженных руинах мира. Человек тянется к человеку, герой к герою – и из собрания разрозненных романов образуется живая ткань настоящей Вселенной. Вселенной без кавычек.

Персонажи отлипают от бумажного листа, встают и путешествуют из одной книги в другую – иногда того же автора, иногда совсем другого, ведут себя своевольно и все меньше похожи на персонажей, и все больше – на обычных людей. Герои итальянского романа телепатически связываются с героями романов русских, бороздящие океаны атомные подлодки и продирающиеся через радиоактивную тайгу бронированные конвои подбирают чужих героев, подшивают их судьбы к единому великому сюжету – сюжету саги Вселенной.

Проект «Вселенная Метро» выходит из-под контроля, перестает быть проектом как таковым – спланированным, сконструированным, – и становится организмом, созданием из плоти и крови, живой тканью, существующим уже не благодаря, а вопреки, по своим собственным законам.

Как и любое живое существо, теперь он непредсказуем. И все мы – даже и я сам – отныне можем только следить за тем, как он растет, – и удивляться.

Дмитрий Глуховский

Пролог

Давным-давно...

Стены перестали быть кирпичными еще шагов сто назад. Это даже как-то прошло незамеченным. Интересно, почему? Ах, да! Там же был обвал. Застывшее во времени падение массивной плиты потолка, которое останавливали гнутые вензелями стальные арматуры, пронизанные ржавчиной. Следом за обвалом неумолимо ползли корни деревьев, ищущие любую слабинку в грунте, чтобы заполнить ее.

Они пролезли в узкую щель и двинулись дальше по прямому коридору. И лишь теперь до них дошло, что идеальной формы арок красного кирпича и стен, тронутых морщинами старости и отметинами давно минувшей войны, больше нет. Есть строгие геометрические фигуры, подчиняющиеся правилу прямого угла. Вертикальные стены. Горизонтальный потолок. И все это из железобетона. Стены несли на себе отпечаток дощатых щитов, в которые этот бетон когда-то заливался. Кое-где даже читался узор древесных волокон. На стенах больше не было надписей типа – «Цой жив», «Катя + Петя», «FRK-17», «Eminem», «ДМБ-98», «Оля-даю +7955 555...» и так далее. Надписи вообще исчезли. Просто голый бетон. Ржавые металлические скобы под потолком держали проходившие там кабели. Местами провода остались, имея плачевный обвисший вид. Еще под потолком сохранились патроны для ламп накаливания. Сам коридор не был широк. Кое-где в стене имелись ниши, словно там непременно должна быть дверь. Но стоило посветить туда фонарем, как оказывалось, что в нишах глубиной всего пару десятков сантиметров та же глухая стена. Тогда зачем эти ниши? Подумали так, наверное, все, но вслух сказал только Руслан:

– А на хрена это? – Он вошел в нишу и похлопал по ее стене ладонью.

– Да черт его знает, – Егор по прозвищу Хруст пожал плечами, светя фонарем то на стену, то на обтянутый джинсами Ленкин зад.

– Прекрати, – фыркнула Ленка и, наведя на Хруста фотоаппарат, светанула ему в глаза вспышкой.

– Дура что ли?! – воскликнул парень, дернув головой и морщась. На экране цифровика застыла конопатая физиономия Егора за миг до того, как он, сильно зажмурившись, резко отвернулся, изрыгая проклятия в адрес девушки.

– Эй, Хруст! – гаркнул Руслан, самый высокий и крепкий из четверки. – Сейчас люлей огребешь!

– Да ты кrale своей скажи...

– И за крaлю – тоже!

Замыкал группу Санек. Его в компании называли Гарри Потный. Такое прозвище напрашивалось само собой. Маленький рост. Очки. Серьезное до смешного лицо для семнадцатилетнего отрока. Ну и потел он сильно. Его невзрачность буквально обязывала быть в этой компании самым начитанным и вдумчивым. Ну и девственником, само собой. У Русика Каланчи была Ленка. У Егора Хруста вообще были девки, все время разные, не только в школе, но даже институтки. А у Потного Санька были книги, интернет и лучшие оценки в классе. По всем предметам, кроме физкультуры. А еще он знал, как проникнуть в подземелья под пятым фортотом, минуя музейный комплекс этого самого форта.

– Тут, похоже, был какой-нибудь щит-распределитель, – тихо сказал он, светя своим фонарем в нишу и внимательно осматривая стену вокруг нее. – Вон, крепления от потолка идут. Кабель, значит, был.

– Какой щит? – повернулся к нему Хруст.

– Электрический.

– Ботаник разрулил тему, – хмыкнул Егор, обращаясь к остальным.

– У тебя есть другие варианты?

– Да нету, нету. Ты умный, а мы просто рядом идем, – подмигнул ему Егор.

– Хорош тормозить. Айда дальше! – Махнул фонарем Руслан.

Ленка щелкнула цифровиком, фотографируя нишу, и догнала своего парня.

– Интересно. Вот уж не думала, что Пятый форт еще больше, чем про него рассказывают, – сказала она с восхищением.

– А это не Пятый форт, – с серьезным видом произнес Санька, замыкающий шествие и постоянно поглядывающий на Лену. Ему очень часто хотелось быть высоким и спортивным, как Руслан. Может быть, тогда Ленка, как верная собачка, шла бы сейчас рядом с ним?

– Как это не Пятый форт? – обернулся Хруст. – Мы же вошли в Пятый форт.

– Мы вошли в колодец в стороне от него. И уже из него вышли. У этого подземелья немного другая архитектура. И возраст. Мы сейчас в коридоре, который соединял форт с чем-то другим.

– И с чем же?

– Не знаю пока. Могу сказать, из всего того, что я нарыл в библиотеке и интернете, под Калининградом... да что там, подо всей Восточной Пруссией, такие подземелья, что в голове не укладывается!

– Да выдумки все это в большинстве, – слышался голос Руслана.

Саня нахмурился. Он не любил, когда Русик пытался выглядеть умнее его. Уж чего-чего, а такое преимущество, как интеллект, в их компании было за Гарри Потным. И эту свою единственную цитадель самооценки он уступать не хотел.

– А ты где идешь сейчас? По выдуманному коридору?

– Ну, этот коридор еще ничего не значит. Таких коридоров полно в земле и вокруг города. И под Балтийском. И в Черняховске. И еще черт знает где. В Рябиновке, например.

– Ну вот ты и сам ответил, – усмехнулся Санек. – Для чего эти коридоры? Для пеших прогулок? Куда-то ведь они ведут? Помнишь, в самом центре города, в ДК моряков, куда вы с Ленкой так любите на дискотеку ходить, оказался целый завод фаустпатронов?

Несколько этажей под землей, которые немцы затопили. И про их существование когда стало известно?

– Ну, лет десять назад, кажется.

– Вот видишь! Полвека русские жили, прежде чем узнали, что у них под ногами в одном только здании. И узнали только после того, как в Германии решили передать нам какие-то найденные архивы по Кенигсбергу. Так что мы еще понятия не имеем, что тут под землей есть. Даже малой доли не знаем. Кстати, от ДК моряков до нынешнего Дома искусств можно было пройти, не выходя на поверхность. Все подвалы зданий были соединены тоннелями. Так что центральная Кнайпхофише Ландгассе дублировалась и под землей.

– Что за Хапише лагаса? – повернулся Хруст.

– Кнайпхофише Ландгассе, – поправил Санек. – Так раньше Ленинский проспект назывался.

– Блин! Тутенгесский джалеб какой-то. А я думал, что Ленинский проспект при немцах назывался Гитлерский проспект, – Хруст усмехнулся.

Раздался смех Руслана.

– Ой, Русик, а вдруг мы янтарную комнату найдем? – Ленка схватила Каланчу за руку. – Представляешь? Нам премию дадут?

– Без балды. Еще и по «Каскаду»¹ покажут, – хмыкнул ушедший вперед Егор.

– Вот здорово-то будет! Да, Русик?

¹ Местный Калининградский телеканал.

– Да все равно, Саня. Подумай сам, когда бы они сумели тут подземный город построить, в который ты так веришь? Ну сколько лет фашисты у власти были в Германии?

– Фашисты никогда не были в Германии у власти, – мотнул головой Санек.

Все обернулись и взглянули на него. Егор даже вытянул победно руку, указывая на приятеля пальцем, и выдавил:

– Ааа! Загнался, Потный! Тупого обнял! Это как же они у власти не были? Гитлер кришнаитом что ли был?

– В самом деле, Санек. Что за бред ты сейчас ляпнул? – развел руками Руслан.

– Вот дураки, – вздохнул «Гарри». – Фашисты, да будет вам известно, были у власти в Италии. В Германии были национал-социалисты.

– А какая разница? – спросила Ленка.

– Например, фашисты никогда не преследовали евреев.

Егор хохотнул:

– Ну даешь, ботаник!

– А пошел ты!

– Да погоди! – Отмахнулся Руслан. – Ну пусть нацисты, не суть. Но ведь они все равно сколько лет у власти были? Они не успели бы ничего такого построить.

– Во-первых, я про подземный город не говорил. Хотя не исключаю. Я говорил о коммуникациях и тоннелях, соединяющих важные объекты. А насчет времени... Ты забыл один немаловажный фактор.

– Какой?

– Миллионы рабов, которые будут под страхом смерти и пыток делать что угодно круглые сутки, лишь бы получить порцию похлебки и выжить. И еще. Вот тебе пример. Wehrwolf.

– Чего?

– Вервольф. Оборотень. Или «вооруженный волк», в другом переводе. Так называлась ставка Гитлера под Винницей. Немцы заняли эту территорию в сорок первом. Выперли их оттуда наши в сорок четвертом. Всего три года. И в этом промежутке времени на ровном месте появился невиданный доселе бункер. И не только бункер, но и инфраструктура. Военный городок. Был посажен вокруг лес и кустарник для маскировки. Аэродром для защиты неба. Электростанция. А ведь и про Вервольф сейчас практически ничего не известно. Только недавно выяснили, что оттуда радиация идет. Так то Украина. А здесь была Германия. Их территория. У них было более чем достаточно времени и узников концлагерей. А еще имелись подземные коммуникации фортовых укреплений времен второй империи и подземелья, построенные помешанными на всяких таких делах тевтонцами еще лет семьсот назад. Нельзя забывать и про подземные тайные убежища прусских язычников, которые укрывались там от тевтонцев, любивших устраивать на них охоту. Все это могло использоваться – и наверняка использовалось – во время секретных строек.

– Блин, Сашка, и как все это в твоей башке уместается? – Ленка, видимо, хотела сделать комплимент, но парень воспринял это как ироничную издевку. Он хмуро посмотрел на девушку и выдал:

– А там много места остается при отсутствии мыслей о гламурных шмотках и песенках «Ранеток».

– Придурок! – фыркнула Ленка.

Горечь от обидного слова подслащала радость от того, что попытка задеть Ленку увенчалась успехом. Санька ухмыльнулся:

– А знаете, друзья мои, что я вам еще скажу?

– Новую шнягу? – слышался голос Хруста, который все дальше и дальше уходил в отрыв.

Саня проигнорировал сие и продолжал:

– Почему Кениг² капитулировал, никто не задумывался? Первый крупный немецкий город, форпост во всем регионе – и так сдался.

– Да потому что наши им врезали. У них выхода не было, – махнул рукой Руслан.

– Русик, три дня! – воскликнул Саня. – Шестого апреля красные начали, а девятого Отто фон Ляш³ капитулировал! Почему? А ведь сопротивление было ожесточеннейшее. Это же не Сталинград! Это их земля. Фатерлянд. А они слились за три дня. И не англоянкесам. Диким большевикам! Это же на них не похоже! Рядом земландская группировка. На юге – двадцать две дивизии. Кенигсберг – город-крепость. Территория рейха. И они сдаются.

– Да ты так преподносишь, будто ничего здесь не было! – В голосе Егора теперь слышались не подначивания и ирония, а явное недовольство. – Ты, придурок, хоть знаешь, чего это нам стоило? У меня прадед тут погиб. Знаешь, какие потери у нас были? Но и мы долбили их, будь здоров! Не выдержали они нашего натиска! Вот и все!

– Перестань! Они могли драться еще долго. И даже дрались какое-то время. Тянули это самое время. Для чего – непонятно. Ведь знали, какая сила брошена на них. И все же – отклоняют ультиматум восьмого числа. А девятого – сдаются. Просто они не хотели, чтобы здесь были сильные бомбардировки. У нас имелась тяжелая артиллерия. Больших самолетов, правда, не было, но могли устроить налет англоамерикосы. Хотя бы из-под Полтавы, где у американских летающих крепостей авиабаза была. У них, у фрицев, что-то было под землей. И сейчас что-то есть. А массированные бомбардировки могли вызвать обрушения. Уж немцы к тому моменту знали, что такое бомбардировки союзников, и понимали, что если для нас штурм будет тяжел, мы церемониться не будем. Это не советский город, который надо освободить. Не польский Краков, который надо спасти от уничтожения ценой жизни наших солдат. Это город заклятого врага. Бомб жалеть не будут. Тем более что нужно было поскорее добраться до Берлина. И сделать это раньше, чем немцы додумаются заключить мир с западными союзниками и выступить против нас единым с ними фронтом.

– Все это за уши притянуто. Ты просто подстраиваешь под свою теорию...

– Егор, если бы ты меньше времени тратил на телок, а больше читал, то знал бы, что это называется одним словом – гипотеза. А всякая гипотеза нуждается в практической проверке. Что мы и делаем.

– Ну ладно. Какие еще доводы у твоей теории... гипотезы, верней? – поинтересовался Руслан.

– Да есть мыслишка, – «Гарри» уставился на странные пазы сантиметров десять шириной на полу и стенах. Посветил наверх. В потолке стальная пластина. Никто, кроме него, этого не заметил. Впрочем, Санек тоже не придал значения этой странности и двинулся дальше.

– Какая? Они прятали тут награбленное в СССР? Янтарную комнату? Золотые коронки убитых людей? – продолжал диспут Каланча.

– Чепуха! Это даже учитывать не стоит. Никакие сокровища не будут иметь то значение.

– А в чем дело? Что они прятали тут, если тянули, как ты говоришь, время? И что хотели сохранить, если капитулировали, чтобы избежать массированных бомбовых ударов? – Руслан посветил фонарем на Саньку и тот отгородился ладонью.

– Ты слышал про «Хейнкель 177»? – вместо ответа поинтересовался.

– Это еще что такое? Мифическая лаборатория наподобие сказок про «Кенигсберг-13»? – хмыкнул Руслан.

– Нет. Это самолет «He-177». Тяжелый бомбардировщик.

– Я думал, что у них только «мессеры» да «юнкеры», – послышался голос Хруста.

– Егор, ты не думай. У тебя это не получается.

² Просторечное название Калининграда от старого названия – Кенигсберг.

³ Генерал Вермахта Отто фон Ляш – комендант города-крепости Кенигсберг в 1945 году.

– А пошел ты...

– Да ладно, – перебил их Руслан. – А при чем тут самолет?

– При том. Сделана была модификация «He-177V-38». Вроде как в единственном экземпляре. Самолет особого назначения. Экспериментальный. И, кажется, в конце сорок третьего года он был переброшен в состав первой бомбардировочной эскадры «Гинденбург». А где базировалась эта эскадра?

– Ты и это знаешь?

– Разумеется. Эскадра базировалась в Восточной Пруссии. На аэродромах Провеген и Зеерапен. Недалеко от Кенига. То есть – у нас.

– Ну так при чем тут самолет?

– Не в самолете дело, а в его предназначении...

Договорить Санька не успел. Их прервал вскрик Егора и вторивший ему резкий и пронзительный вздох Ленки. Руслан и Гарри дернули фонарями в том направлении. Прямо перед Хрустом полукругом вздыбился пол. И таким же полукругом пол ушел у него из-под ног. Егор, выронив фонарь и вскинув руки, упал на большой железобетонный диск, который был пронзан поперек коридора осью, и пытался ухватиться за края. Но поворот диска вокруг этой оси был неумолим. Диск вздыбился практически вертикально, и Хруст, прокричав что-то невнятное, сорвался в разверзшуюся пропасть неизвестной шахты вслед за своим фонарем. А круглая крышка ловушки завершила свой оборот и снова слилась с полом.

– Черт! – заорал Руслан и кинулся к тому месту, где только что был их друг. Он с силой надавил руками на пол.

– Русик! Не надо! Осторожно! – истерично завопила Ленка, переминаясь с ноги на ногу и тряся руками.

Санька подскочил к Каланче и помог ему привести чертов диск в полу в движение. С большим трудом им это удалось. Скрытая под вращающимся люком шахта открылась щелью в форме полумесяца. И доносился оттуда далекий и быстро удаляющийся крик, эхом бьющий в стены шахты. Затем крик стих, и осталась лишь резонанция звука в глубоком колодце. Пугающая и бьющая по нервам. Оставшаяся тройка вдруг явственно ощутила вибрацию коридора. Позади послышался пронзительный скрежет, затем последовал глухой удар с металлическим отзвуком и порыв ветра.

– Это еще что?! – воскликнул Руслан.

– Русик, мне страшно! Что с Хрустом?! – вопила Ленка.

– Заткнись! – Каланча вскочил и бросился обратно. Санька следом.

– Не бросайте меня! – девчонка кинулась за ними.

Но они и не думали бросать. Сейчас их интересовало только одно: что за звук был позади. И только теперь, обнаружив, что там, где они прошли пару минут назад, была глухая стена, Санька вспомнил про те самые пазы в полу и стенах. И стало ясно, что та стальная пластина под потолком была нижней кромкой массивной задвижки, опустившейся по этим пазам и перекрывшей обратную дорогу.

– Мамочки! – Ленка буквально запрыгала на месте, взвизгивая и кусая пальцы. – Что же это?!

Санька и Руслан уставились друг на друга, ища этими взглядами хоть какое-то понимание того, что делать дальше. Впереди вращающийся пол шириной несколько метров. Обратный путь отрезан внезапно возникшей массивной стеной. А в ушах еще стот долгий и далекий крик сорвавшегося в бездну Егора, красноречиво говоривший о чудовищной глубине скрытого вращающимся полом колодца.

* * *

На опушке леса стояли эмчезовская «Газель» в характерной окраске, журналистский «фольксваген», несколько легковых автомобилей и «КАМАЗ» службы спасения. Чуть в стороне – военный «УАЗ». Возле него офицер в новеньком камуфляже от Юдашкина, с надвинутой на брови кепкой. Он отошел от основной массы людей и, закрыв одно ухо ладонью, а к другому прижав сотовый телефон, о чем-то тихо говорил. Рядом с «Газелью» двое в штатском через переводчика обращались на немецком языке к трем людям в форме МЧС, которые держали в руках большую и явно очень старую карту...

Измощенный голодом и обезвоживанием юноша прополз уже метров сорок от той узкой, обложенной кирпичом и, видимо, очень старинной щели в холме, которая надежно скрывалась от посторонних глаз густыми зарослями кустарника и травы. Полуденное солнце больно било по глазам, отвыкшим за несколько суток в подземелье от дневного света. Дрожащей рукой он стер с круглых стекол своих очков паутину и стал ползти на человеческие голоса...

Журналистка еще раз провела свободной от микрофона ладонью по лицу, убирая поддавшиеся слабым порывам ветра волосы.

– Как я выгляжу? – спросила она у оператора.

– Готов на тебе жениться, – буркнул тот, поправляя на плече тяжелую камеру. – Давай уже снимать?

– Ну ладно. Поехали!

Оператор прищурил один глаз, дав понять, что камера заработала.

– Пятые сутки продолжаются поиски четверых школьников, учащихся школы номер два города Калининграда. Напомню, что это Руслан Махеев, Егор Хрусталеv, Лена Бергер и Саша Загорский. Известно, что в минувшую субботу они отправились исследовать казематы форта номер пять, давно облюбованные молодыми искателями приключений. Особо привлекательными этот форт делают различные истории о тайнах немецких подземелий и истории о том, что там бесследно исчезают люди. Но если до недавнего времени все эти истории были ничем иным, как урбанистическими мифами, неотъемлемой частью современного Калининградского городского фольклора, то случай с четырьмя школьниками, возможно, станет подтверждением дурной славы пятого форта. Сегодня к поискам подключились представители германского консульства, получившие из Берлина архивные схемы форта и примыкающих к нему оборонительных коммуникаций. Возможно, это поможет расширить область поиска и найти заблудившихся в подземельях детей. И сейчас мы находимся в районе бывшей зенитной батареи номер...

«Руслан Махеев, Лена Бергер, Егор Хрусталеv». Юноша почувствовал острую боль в сердце, услышав за кустарником женский голос, размеренно повторяющий эти имена. Из глаз потекли слезы. Он чувствовал, что не в силах кричать или ползти. Он не верил, что выбрался. И вот здесь, совсем рядом, люди, что его ищут. Их ищут...

Майор хмурился все больше, вслушиваясь в то, что лилось из динамика сотового телефона.

– Есть! Да. Да я все понял, товарищ полковник. Да, бойцов я уже отправил в ППД. Да, как Сухомлин сказал. Он звонил до вас... А это точно? Да просто в голове как-то не... Да. Так точно! Все понял. – Он убрал телефон от уха и стал судорожно искать в меню другой номер. – Борцов, твою мать! Ты где?! Заводи уазик, живо! – заорал офицер.

Немцы, эмчеэсники, представители администрации и прессы недовольно посмотрели в его сторону. Особенно журналистка, явно удрученная тем, что в ее репортаж попала громкая басистая ругань. Придется переснимать.

Из дальних кустов появился напуганный окриком солдат. На ходу поправляя штаны и ремень, он кинулся к машине.

Майор, наконец, нашел нужный номер и нажал вызов, буквально вдавив телефон на покрасневшее от предыдущего разговора ухо.

– Алло! Лида! Да погоди ты, не перебивай! Ты где? Дети с тобой? Короче, бегом собирайтесь, за любые деньги берите такси и немедленно убирайтесь из Балтийска. Но только по Светлогорской трассе. В сторону Светлогорска. В Отрадное или в Пионерский. Там я вас найду. Да ты вообще слушаешь меня?! Какой, на хрен, пляж?! Ты что, дура?! Я сказал, убирайся из Балтийска немедленно! На такси! За любые... Твою... кольцо обручальное отдай и сережки! Ну что за тупая, а?! Я сказал... Да потому что там военная база и сейчас не будет никакого Балтийска, идиотка!!!

Свидетели разговора притихли и в недоумении смотрели на майора. На их лицах застыло одинаковое выражение – удивление и безмолвный вопрос: что значит последняя фраза, выкрикнутая очень громко?

Майор чертыхнулся, поняв свою оплошность, и, набирая очередной номер, быстро направился за ближайшее дерево. Зайдя за него, он замер. Прямо перед ним на примятой траве лежал подросток. Темноволосый. В очках. В грязной и местами окровавленной одежде. С опустевшим рюкзаком за спиной. Мальчишка смотрел на него потухшим, опустошенным взглядом.

– Ты откуда? – выдавил офицер.

– Из... из-под земли... – еле слышно прохрипел юноша.

– Самое время туда вернуться, – нахмурил брови военный и вдруг зажмурился. Со стороны аэродрома Чкаловский внезапно вспыхнул нестерпимо яркий белый свет. От площадки с машинами раздались напуганные возгласы и крик журналистки.

– Началось! – выдохнул майор. – Борщов! Ко мне! Бегом!!!

Он резко наклонился, схватил подростка и кинулся по следам, оставленным ползущим парнем на траве.

– Где это подземелье?! – крикнул он сквозь нарастающий гул.

– Т-там... – ковыляющий юноша безвольно махнул рукой.

По небу стрелами пронеслись редкие облака, растворяемые гонимой их неведомой силой. Гул нарастал, и внезапно в лес ворвался ураган. Огромный пылевой поток, срывающий с земли молодые деревья и ломающий старые. Летящий кустарник превратился в нескончаемый ливень. Стена пыли, камня, грунта и растительности подхватила машины на опушке леса и людей. Последним со своего места сорвался «КАМАЗ». Сначала поднялась более легкая, задняя часть. Вырванный кузов кувыркнулся над кабиной и исчез во мраке ударной волны...

Сегодня... Сейчас...

Ветра не было совсем. Большая редкость. Именно это обстоятельство дало повод к очередной вылазке. Могучий корпус ПТС-2⁴, перемалывая стальными траками прибрежный песок, неумолимо двигался в сторону бывшего полигона. Далее на юго-запад побережье Земландского полуострова было затянуто густым туманом грязно-желтого цвета. Тягучие, бурые волны Балтийского моря были отравлены не только минувшим много лет назад глобальным Катаклизмом, но и вскрывшимися корпусами тысяч немецких боеприпасов, начиненных боевыми отравляющими веществами. Когда-то, давным-давно, Гитлер так и не решился приме-

⁴ ПТС-2. Плавающий транспортер средний.

нить их. Страшное наследие досталось странам-победительницам, которые решили затопить смертоносный арсенал в водах этого моря. Прошли годы. Мир погрузился во мрак самоистребления. Исчезли города. Страны. Люди. Цивилизация. А боеприпасы спокойно покоились в глубинах Балтики, подтачиваемые временем и солеными водами. И, подобно погубившему себя человечеству, море совершило самоубийственную, но неизбежную ошибку. Оно разрушило корпуса снарядов и бомб, выпустив наружу тысячи джинов в виде иприта, табуна, зарина, циклона и прочей мерзости, способной быть синтезированной только человеческим разумом.

Вода была ядовита, как ядовит был и стелящийся от моря туман. Но сейчас, когда совершенно отсутствовал ветер, небольшой горстке выживших людей представился один из тех редких шансов, когда можно отправиться в сторону бывшей военно-морской базы России, города Балтийска. Людям были нужны узлы и агрегаты используемых ими машин, а также топливо. Все это можно добыть, в том числе и там – на инженерном складе и в топливных хранилищах базы.

Огромный плавающий транспортер, способный вместить в своем кузове даже БТР, продолжал свое размеренное и упрямое движение по песку, оставляя за собой четкий отпечаток траков. След, так не вписывающийся в окружающий пейзаж, начисто лишенный за долгие годы после катастрофы каких-либо признаков человеческой жизнедеятельности. Во всяком случае, этих признаков не было на поверхности.

В кабине сидели четыре человека. Еще четверо находились в кузове, среди пустых бочек для горючего, лениво перекачивающихся по днищу «лодки». Люди были облачены в ОЗК. Общевоинские защитные костюмы делали их всех жуткими близнецами с безжизненными резиновыми лицами и стеклянными взглядами масок противогазов, порожденными мировой катастрофой. Люди молча взирали своими пугающими масками по сторонам. Нечасто выпадала возможность отправиться на поверхность в поисках артефактов канувшего во мрак мира, необходимых для продления своего существования. Нечасто и не всякий удостоивался чести видеть внешний мир.

Изуродованные химией деревья подступающего к морю леса, нависающего порослью жутких представителей адаптированной новой флоры над бежевым песком мертвого пляжа. Ленивые бурые волны, накатывающие из желтого тумана и оставляющие в полосе прибоя ржавую пену. Сам туман, словно не было его, а просто воздух потускнел, потерял прозрачность и обрел грязный желтый цвет. Проступающие в туманной дымке силуэты одиноких мертвых деревьев в тех местах, где растительность не смогла перенести агонию мира, оставив на обозрение редким свидетелям лишь свои сухие ветвистые скелеты.

Борис Колесников – статный русоволосый мужчина с голубыми глазами и шрамом от ожога на правой щеке – повернул голову, глядя на пройденный путь. Параллельные линии оставленной гусеничным ходом колеи уходили вдаль, повторяя изгибающуюся прибрежную линию, тянущуюся к мысу, где взор уже мог различить руины города Янтарный. Внезапно монотонно ревущий двигатель машины сменил свою тональность, и двадцатичетырехтонный ПТС резко остановился, клюнув бронированным носом и задрав кормовую аппарель. Бочки с грохотом опрокинулись и покатались в сторону сидящих в кузове людей.

Борис остановил катящуюся на него бочку ногой, и та загромыхла назад, повинувшись инерции опустившейся после остановки машины кормы транспортера. Колесников постучал облаченной в трехпалую резиновую рукавицу ладонью по заднему стеклу кабины. Двое из четырех людей, находившихся внутри, обернулись. Борис кивнул им, вопрошая этим жестом о причинах столь резкой остановки. Те задергали своими головами-масками и стали показывать резиновыми «клешнями» вперед, на лобовое бронестекло кабины. Колесников снова кивнул и развел руками, давая понять, что ни черта не понял. Сидящие в кабине снова принялись торопливо жестикулировать, указывая вперед. Тогда он и находившиеся в кузове товарищи поднялись на крышу машины и осмотрели пространство впереди транспортера.

То, что предстало перед их взорами, заставило людей даже протереть перчатками глазницы противогазов. Нет. Не померещилось. Метрах в тридцати впереди, насколько позволял видеть медленно ползущий туман, пляжный песок пересекала вереница диссонировавших с окружающим пейзажем следов человека. Следы шли прямо от воды, где уже были зализаны грязными и ленивыми волнами моря. Двигаясь поперек пляжа, некто поднялся на песчаную дюну и, похоже, удалился в заросли сухого кустарника, разграничивающего приморский лес и широкую полосу песка...

Часть 1

Туман

Глава 1

Эксклав

Три человека, облаченных в ОЗК, стояли в дегазационной комнате, терпеливо ожидая результата замера. Местный химик тщательно изучил показания приборов, постучал ладонью по толстому стеклу, отделяющему дегазационную от комнаты контроля, и кивнул. Затем он исчез из поля зрения спустившихся с поверхности людей. Заскрипела тяжелая гермодверь. За ней показался химик, облаченный в похожий ОЗК. Только белого, а не болотного цвета, да вместо противогаза – широкое панорамное стекло с респираторной маской под ним.

– Норма, мужики, – пробубнил он сквозь маску. Гости последовали за ним. Химик плотно закрыл дверь. Затем троица прошла в раздевалку и стала разоблачаться. Даже если к ОЗК не пристала химия или радиация с поверхности, входить в жилой сектор бункера в них не разрешалось. Одежда для поверхности была только для поверхности. В отличие от них химик мог передвигаться в своем костюме в остальном замкнутом мирке подземелья свободно – он в своем костюме наружу не ходил.

Майор Стечкин аккуратно сложил свой ОЗК на скамейке, извлек из портупеи черный берет и по обыкновению водрузил его на коротко стриженную голову, стянув ближе к затылку. Майор был крепко сложенным морпехом, чей возраст уже подходил к пятидесяти. Тем не менее он был в прекрасной форме. Седина чуть тронула короткие кудрявые черные волосы на крупной круглой голове. Брови сильно наплывали на глаза, что вкупе с бычьей шеей и поданной чуть вперед головой придавало ему угрожающий вид. Но стоило Стечкину заговорить, как первое пугающее впечатление размывалось в неожиданно мягком, бархатистом и чуть приглушенном, словно от насморка, голосе.

– Долго возитесь, гвардия, – сказал он двум остальным, вперив кулаки в бока и улыбнувшись, показывая заметный просвет между передними резцами.

– Сейчас, Павел Васильевич.

– Ну, давайте, давайте. – Стечкин легонько махнул своей здоровенной ладонью и, повернувшись к химику, подмигнул ему. – Здорово, Менделеев!

Пожилой химик улыбнулся и кивнул.

Майор вышел из раздевалки и двинулся по коридору бункера. Замаскированный командный пункт «Блок-6» находился под землей в лесу возле поселка Красноторовка, что в семи километрах от Янтарного. Людям, что служили тут до катастрофы, посчастливилось иметь под боком такой объект. Большинство из них и членов их семей выжили. Также убежище здесь нашли и многие из Балтийска, находившегося чуть менее тридцати километров южнее. Одним из них был и человек, ставший главой общины «Блок-6» – Павел Васильевич Стечкин.

Коридор освещала одна-единственная лампа. Этого было достаточно, чтобы видеть стены и двери. У дальней двери, за которой когда-то было караульное помещение, а теперь – жилище главы общины, стоял пожилой, но высокий и широкоплечий мужчина. Как и Стечкин, он был одет в камуфляж «флора», только без портупейного ремня.

– С возвращением, командир! – старший прапорщик Шестков сверкнул редкозубой улыбкой.

– Привет, Эдик! – Майор пожал ладонь старика и вошел в свои апартаменты.

Стальная по-военному заправленная койка. Большой стол с подсвечником и пепельницей. Три табуретки. У противоположной от койки стены – заднее сиденье от легкового автомобиля, играющее роль дивана. Шкаф с оружием. Несгораемый сейф. Карта области на стене. Вешалка с одеждой, исключительно военной. Тумба. Ртутная лампа под потолком. Вот и весь быт главы общины.

Майор сел на свою койку, которая протестно заскрипела, и тяжело вздохнул.

– Все не так, как мы рассчитывали? – спросил Шестаков, войдя и садясь на «диван».

– Ну да, – Стечкин кивнул и вдруг завалился на кровать, прикрыв лицо рукой от яркого света. – Не так. Конечно, они там много говорили про объединение. Рассуждали, что мы один народ, что должны быть вместе. Даже умное слово употребили, «интеграция». Вообще много красивых слов...

– А на деле опять?

– А на деле опять. Погодите, мол. Мы пока не готовы принять такое количество людей. Потерпите. Столько лет смогли, и теперь сможете... Курить охота! У тебя нет?

– Я бросаю. Забыл?

– Молодец, – майор снова поднялся и сел, откинувшись спиной на бетонную стену. – Это ты правильно. Я смотрю, в боксе ПТС-ки нету. Поехал все-таки Скворцов в Балтийск?

Шестаков кивнул:

– Поехал.

– Жаль, меня не дождался. Надеюсь, у него ума хватит набрать топлива больше, чем он сожжет этим драндулетом туда и обратно.

– Ну, чай, не дурак. Догадается, – прапорщик улыбнулся, снова показав редкие зубы. – Слушай, Василич. Так может, Балтийск освоим? Там же тоже есть бункер.

– Эдик, а ты в нем был? – невесело усмехнулся Стечкин. – Это же конура натуральная. У нас тут в душевых места больше, чем там. Да и... Наведывался я туда. Лет эдак... дай вспомню... пять или шесть тому. Двери закрыты наглухо. Причем изнутри. Две оплавлены. Видно, от взрыва еще. Заварились. Другие – нет, но тоже изнутри закрыты. А вход давно зарос уже. Значит, все кто туда залез со штаба базы, так там и остались. Могила. Да и чему удивляться? Вентиляция последний раз там ремонтировалась еще при Союзе, дренаж тоже. Каждую весну воды по колено было. Нет, Эдик, нам Калининград нужен. Пятый форт. Вот где просторы.

– А если переселиться в Пионерский? Там и ядовитых туманов не бывает. Они только до мыса Таран. И вода там в море чище, дальше мыса.

– Эдик, у них там места нет, все битком. А уж когда еще лодка эта с толпой на борту пришла... Нам нужен Пятый форт. Без вариантов.

– Ну а вообще, как они там?

– Да все так же. Живут, не тужат. Казематы там не чета нашим. Этот командный пункт был рассчитан на год функционирования после обмена ядерными ударами. Да и то – только для того, чтобы помочь подлодкам сделать последний, контрольный залп. А Пятый форт немцы строили, как крепость. С казармами жилыми. Со всеми делами. Да на тысячи людей, да из расчета длительной осады, если что. Плюс еще, есть у них там один парень, светлая голова. Он умудрился открыть новые территории.

– Вот как? – поднял седые брови прапорщик.

– Ну да. Там, глубоко под землей пристройки имеются. Еще фашисты строили. И там оказались генераторы. От грунтовых вод вращаются, ток дают. Представь себе – заработали!.

– Вот немчура, умели же делать, – хмыкнул Эдик.

– Да, небось, узники делали. Черт, жаль только топливо впустую на БТРе пожгли с этим «официальным визитом»...

– Ну, ты им ситуацию-то хоть обрисовал, командир? Что тесно нам совсем. Не хватает ни места, ни ресурсов. Что заражено вокруг все. Туманы эти...

– А то они не знают, – скривился Стечкин. – Не впервой же я к ним с этой мыслью. Знают все. И что наш глубинный колодец обмелел. Нам не то что на дезинфекцию людей с поверхности, на питье скоро хватать не будет. И про то, что туманы с моря тянет ядовитые. И про то, что дети, которых мы много спасли тогда, в самом начале, выросли уже давно и им бы самим семьи создавать, да места нет уединиться молодой парочке. Все это они знают. Но все твердят: потерпите. А жизнь-то ведь такая штука. Жизнь идет. Жизнь проходит и не ждет.

– Они торгуются? – ухмыльнулся Шестаков.

– Наめкают. Все спрашивают, сколько и какая у нас техника в наличии, из той, что на ходу? Сколько стволов и боеприпасов? Каков урожай корнеплодов в оранжерее и какой приплод в крольчатнике?

– Ну так и есть. Самохин, подлюга, выгоду ищет.

– Да есть выгода. Вместе быть – вот главная выгода!

– Ну, мы-то это понимаем. А вот они... Ну ладно, правление ихнее. А что народ тамошний думает?

– Народ? – Стечкин вздохнул и уставился в пол. – Это ты правильный вопрос задал.

– Чего такое? – насторожился прапорщик.

– Встретился я там с этим. Имя у него еще такое... Ну ты должен его помнить.

– Кто такой?

– Да контрактник из Базы. Он часто у нас на полигоне бывал по службе. Ну вспомни, нерусский такой. Он еще всегда на камуфляж нагрудные знаки цеплял, а ты шутил над ним. Дескать, подарок для снайпера.

– Тигран, что ли?

– Ага, точно. Тигран. Блин, вот сегодня с ним разговаривал, а имя забыл начисто! А ты его видал в той еще жизни последний раз, зато помнишь. Молодец, старый! – Павел улыбнулся.

– Ну и как он там?

– Да нормально. Он мне такую штуку рассказал занятную. Мозги в пятом форте народу промывают.

– Это в каком смысле?

– Да в таком, что, дескать, есть такая Красноторовка. И живут там люди. В бункере. А правит ими диктатор. Бандит в военной форме, воинственный и жесткий.

– Опаньки! – Эдуард шлепнул себя ладонями по коленям. – Это как понимать? Что за хренота?

– Да вот так и понимай. Пропаганда. Информационная война, если хочешь. Мы бы и не узнали, конечно, ничего в наш визит, если бы Тигран в приватной беседе в курилке мне по секрету это не рассказал.

– А не врет?

– Какой резон? У нас с ним никогда трений не было. Нормальный мужик. Да ты сам вспомни. Он и встрече нашей рад был очень.

– Постой-ка, – Шестаков прищурился. – Я, кажется, понял.

– Чего ты понял?

– Они же боятся. Понимаешь?

– Не совсем.

– Ну сам подумай! Авторитета твоего боятся.

– Да какой, к черту, авторитет?..

– Погодь, командир. Дай скажу, – поднял ладони прапорщик. – Вот представь, мы объединимся, станем вместе с ними жить. Придешь туда ты и приведешь две сотни человек, которые на тебя буквально молятся. И расскажут они остальным, как ты тут задницу рвал, спасая

всех в округе. Как заорганизовал все тут. Как сам вкалывал за ради выживания. И в оранжеее иногда сам работаешь наравне с другими. И в питомнике с кроликами да куропатками возишься. И сам проводку чинил. Ветряки ремонтировал на поверхности. И санузел ремонтировал, и колодец углублял, пока не нашел чистые грунтовые воды. И расскажут, что никто тут отродясь обижен не был. Все равны. Все по справедливости. Наконец, ты тоже майор, как и тамошний Самохин. Но тут-то все сходство и кончится. Ну я-то знаю еще по тем временам, какая он шкура и какой ворюга да самодур. И тут такой хозяйственник появился. Настоящий офицер, а не крыса в погонах. И две сотни человек уже за тебя, поскольку с тобой они от начала. Глядишь, и остальные в Пятом форте подумают: а ну его, Самохина того, с его шайкой. Вот человек. Работага и организатор. И опыт многолетний выживания в небольшом бункере. А там просторы. Эх, как развернешься-то! Вот Самохин со своей кликой чего боится. Поэтому и пудрят людям мозги. Дескать, бойтесь. Есть такой нехороший Стечкин. И потому тянут с объединением, покуда не подготовят общественное мнение против тебя. Тогда ты им не конкурент во власти.

– Да на кой черт мне эта власть? Мне людей выводить отсюда надо!

– Вот потому ты и в авторитете. Не за власть свою радеешь. За людей.

– Н-да... – Стечкин повесил голову и вздохнул. – Значит, люди все те же. До чего дошли! Горстка осталась, за час на перекличке пересчитать, а все по-прежнему. Власть. Пропаганда. Конкуренция. Похоже, что ты прав.

– Да, конечно, прав. А уж зная, что за фрукт этот Самохин... – Шестаков поднялся и, подойдя к командиру, присел рядом на его койку. – Слушай, Паша. А может, мы того?

– Чего? – морпех повернул голову и внимательно посмотрел на товарища.

– Ну, оружия у нас хватает. Бронетранспортеры. Бойцы крепкие имеются. А ну как пойдем туда и порядок наведем? Тут тебе и объединение. Тут тебе и жизненное пространство. И все в наших руках будет.

Стечкин недобро прищурился:

– Эдуард, ты в своем уме?

– Да погоди, командир, – засмеялся прапорщик.

– Это ты погоди. Ты что же, предлагаешь мне войну устроить? Мы да они, может быть, последняя тысяча людей на всей земле. И ты мне предлагаешь бойню устроить? По своим стрелять?

– Да причем тут по своим? Майор Самохин сотоварищи кому тут свои...

– Эдик. Давай заморим этот разговор в зародыше, а?

В стальную дверь жилища Стечкина кто-то настойчиво забарабанил и, не дожидаясь утвердительного ответа, распахнул ее. В проеме появилась взъерошенная голова лейтенанта Демченко с медицинскими петлицами на воротнике камуфляжа.

– Василич! Группа Скворцова вернулась! Там непонятное что-то! Шумят. Через карантин ломаются. Тебя зовут.

* * *

– Товарищ гвардии майор, ну бес в них какой-то вселился. Может, токсин новый в атмосфере, и фильтры пропускают? Гляньте, как бесятся, – нервно тараторил химик, перекладывая из ладони в ладонь свою маску.

Увидев через толстое стекло командира, группа Скворцова столпилась у прозрачной перегородки и что-то пыталась объяснить жестами.

– Чего такое у вас?! – крикнул Стечкин.

– Да не услышат они, товарищ гвардии майор. Стекло. Маски. Сами еще шумят.

– Ну, тогда пусти меня к ним.

– Вы что? На их ОЗК роса токсичная! Гляньте! Они из тумана только что!

Павел выхватил у химика из рук респиратор, натянул на лицо и вышел из комнаты химпоста.

– Дверь за мной плотно закрой! – крикнул он химику, а затем вошел в дегазационную.

Группа Скворцова тут же присмирела. Они отступили от командира, вспомнив вдруг, что на них скопились ядохимикаты от тумана, а у майора из защиты нет ничего, кроме респиратора.

– Скворцов, говори, какая вошь вас всех разом ужалила! – прокричал командир сквозь свои фильтры.

Один из восьми «близнецов» сделал шаг вперед и подергал гофрированный шланг, идущий от противогаза к подсумку с фильтром.

– Василич! Там следы на пляже! Человеческие! – раздалось из фильтра глухое возбужденное бормотание.

– Где?

– Где-то в километре не доезжая до ПУРа. На полигоне нашем. Возле подрывной станции.

– Так вы в Балтийске не были?

– Нет, командир. Я же говорю. Следы!

– Да понял я. Уверен, что человеческие?

– Да. Подошва рифленая, с поперечными грунтозацепами. Причем следы идут прямо из воды – и в лес. Мы внимательно посмотрели. Поначалу думали, что один человек. Но там как минимум трое прошло. Просто шли они цепочкой и наступали в один след. Мы как поняли, что к чему, – сразу назад!

Холодок прошел по позвоночнику Стечкина. Что за неизвестные люди появились неведь откуда, а точнее, из моря? И каковы их намерения, и настрой, если они стараются скрыть свою численность таким незатейливым способом?

– У вас оружие с собой?

– Да, командир!

– Быстро наверх! Садитесь в ПТС-ку и ждите меня!

– Есть!

Толкаясь, «близнецы», облаченные в обезличивающие всех ОЗК, двинулись на выход.

Стечкин вернулся в комнату химпоста.

– Менделеев, давай мой костюм. Срочно! Я пока за автоматом сбегая!

– А что там случилось, Павел Васильевич?

– Мы не одиноки во Вселенной! – в шутку усмехнулся майор.

* * *

Гараж техники находился, естественно, на поверхности. Под него приспособили три огромных железных ангара, бывших некогда хранилищами. Ядерный удар по самому комплексу, где находились и наземный центр спутниковой связи с флотом в Мировом океане, и его дублирующая на случай большой войны подземная часть, а также хранилища материально-технической базы, не наносился. Воинская часть находилась в стадии расформирования, и уже был объявлен аукцион на продажу земли коммерческим структурам. Среди желающих приобрести лакомый кусок земли с обширным подземельем были также и иностранные фирмы. И противнику это было известно. Сюда прилетела только крылатая ракета, начиненная кассетной боевой частью, чтобы выкосить жителей офицерского общежития, что и было сделано. Тратить термоядерный заряд на горстку офицерских жен и детей, да и самих офицеров, оказавшихся лишними в реформируемой армии и готовящихся оказаться на гражданке, было непозволи-

тельным расточительством с экономической точки зрения. Потому и послали на них дождь из стальных игл, распыленных взрывом кассетной боеголовки. Из местных жителей мало кто уцелел. Именно поэтому основу подземной колонии составили жители ближайшего населенного пункта и морские пехотинцы, находившиеся в тот роковой день на полигоне «Хмелевка» в лесном палаточном лагере на учениях.

Ангары, посеченные поражающими элементами кассетного боеприпаса, располагались в пятидесяти метрах от главного входа в бункер. Много лет назад люди провели титаническую работу, создав на тропе, ведущей к ангарам, тоннель из ящиков от боеприпасов, заполненных песком. По бокам выросли стены. Сверху были уложены доски. Затем насыпали щебень и грунт. Накидали дерн. Теперь этот тоннель выдавал лишь поросший устойчивыми к враждебной атмосфере нового мира сорняками земляной вал. Изрешеченные железные своды ангаров были затянуты рулонами рубероида и линолеума, спасая загнанную в ангары технику из лесного лагеря от кислотных и радиоактивных дождей. Сделать все это было совсем непросто, учитывая, как зашкаливали дозиметры в те, первые годы. Как бесконечно долго лили черные от ядерного пепла дожди. Но люди сделали это. Ради будущего. Ради выживания. Ради себя и тех, кто оказался рядом.

Выставлять на поверхности посты считалось излишним. Обитатели Красноторовской колонии не знали других выживших в целом мире, кроме общины пятого форта под Калининградом и общины города Пионерский, которые в списки объектов, наиболее враждебных с точки зрения химического и радиоактивного заражения, никогда не входили. Учитывая, что у форта практически не было пригодной для дальних рейдов (а именно дальними в нынешнее время стали рейды в несколько десятков километров), то опасаться за сохранность техники в ангарах не приходилось уже долгие годы. Пионерский так же не имел транспорта, кроме огромной лодки, вставшей на вечную стоянку в бывшей портовой гавани. Да и у жителей его хватало своих хлопот, чтобы навлекать на себя новые. Но теперь все изменилось. Известие о чьих-то следах на пляже в паре десятков километров от подземной обители было в первую очередь тревожным сигналом, а уж потом наводило на мысли о надежде и оптимистических посылах возможного контакта с другими выжившими.

Стечкин тревожно вглядывался в туманный горизонт, где утопала линия берега, тянувшегося до самого Балтийска. Что значило это событие в их странной, растянутой в бесконечности жизни после всеобщей смерти? Не были ли эти следы на песке предзнаменованием окончания эпохи, когда два десятка лет горстка оставшихся людей с иррациональным упорством отрицала саму смерть? И были ли вообще эти следы на самом деле?

ПТС размеренно рычал танковым дизелем. Машина наматывала на свои гусеницы песок от оставленного ею же утреннего следа. Небо плотно затянули косматые тучи. Можно было не бояться опасного излучения солнечных дней. Что до яркости дневного света, так непереносимого жителями пятого форта, то обитатели Красноторовской колонии были к нему более устойчивы, поскольку основное освещение в бункере давали белые ртутные лампы. Пятый же форт довольствовался лампами накаливания, а то и вовсе керосинками да лучинами.

Мимо проплыли утопленные в песок, покосившиеся ржавые столбы с остатками проволочного ограждения. Рубеж очерчивающий просто берег моря от того же берега, но являющегося территорией полигона. Местность трудно было узнать. Сразу после песка начинались густые заросли живучего шиповника и изувеченных генетическими уродствами деревьев. Несмотря на ядовитые осадки и радиацию, растения нового поколения заполонили все, заменив те, что были погублены катаклизмом. Только редкие сухие остовы старинных деревьев, помнящих еще птиц и людей, собиравших в этих краях ягоды, напоминали о тех временах, когда Стечкин знал каждый уголок, каждый куст и камень на территории полигона, начальником которого он когда-то являлся.

Вдали, в тумане, показался темный силуэт ПУРа. Пункт управления районом. Трехэтажное здание на берегу моря с двумя смотровыми площадками – на уровне второго этажа и над третьим. Именно там собиралось высокое начальство, чтобы наблюдать за ходом учений, которые здесь когда-то регулярно проходили.

Транспортер остановился.

– Приехали, командир. Вон они, – пробубнил через маску находившийся рядом Борис Колесников.

Стечкин уже было собирался отдать приказ личному составу на выгрузку из машины, и вдруг замер, уставившись на выглядывающий из тумана бурый прибой. В воде показался «островок». Четырехметровая спина, увенчанная «горной грядой» наростов и покрытая полипами. Теперь на берег вышел и ее обладатель.

– Черт возьми! – выдохнул Колесников и передернул затвор автомата.

– Внимание! Краб! – крикнул Стечкин. – Всем оставаться в машине! Огонь не открывать!

Из люка на крыше кабины высунулся Скворцов и обратился к находящемуся в кузове командиру:

– Почему, Василич? Девять стволов. Мы его быстро...

– Не тупи, птица, – Павел хлопнул его по плечу трехпалой перчаткой. – Если те, кто оставил следы, еще не знают о нашем существовании, то наверняка узнают, услышав стрельбу. Не факт, что они возвращались на берег и видели утренние следы машины. Но и не факт, что ушли далеко. Мотор могли не услышать, а работу девяти стволов, как ты говоришь, слышно будет и в Балтийске. Особенно в туман. Понял?

Огромная тварь имела зеленовато-бурый окрас под «камуфляж». Лапы ее были покрыты бесчисленным количеством жестких черных волосков. Из-под панцирного «козырька» выглядывали злые красные глаза, под которыми без конца двигались массивные челюсти. Левая клешня существа по своим размерам конкурировала с самим туловищем краба.

Выйдя не берег, чудовище стояло какое-то время неподвижно. Из каменных складок на бронированной спине стекали ручьи грязной морской воды.

– Командир, а может, я его гусеницами раскатаю? – спросил Скворцов.

– погоди. Заглуши лучше двигатель.

Скворцов так и сделал. Машина затихла, и краб резко дернул туловищем, вперив жесткий красный взгляд в ПТС. Затем, быстро перебирая своими жуткими волосатыми лапами, приблизился к машине. Снова замер, оценивая неизвестный предмет взглядом и еще черт знает, чем он там еще мог оценивать?

– Они же только по ночам выходят, – тихо проговорил Колесников. – Какого дьявола он сейчас вылез?

– Возможно, его что-то потревожило? – предположил Стечкин. – Или кто-то.

– Ты о чем, командир?

– Я о тех, кто наследил на пляже.

– Ты что, думаешь, они по морскому дну пришли?

– Нет, конечно, – хмыкнул Павел, что отдалось гулом в маске. – Но вот их транспорт... Может, подлодка?

«А не была ли это вылазка жителей Пионерского? Сомнительно. Гнать сюда, в мелкие воды огромный атомный крейсер... Чего ради? Зараженные ягоды собирать?»

Краб попробовал клешней гусеницу плавающего вездехода. Тщетно. Стал перемещаться вдоль правого борта, тыкая боевой клешней в стальные катки, такие же, как у танка Т-64. Они тоже оказались несъедобными. Тварь безмолвно негодовала, обходя неприступную машину. Затем вернулась к загадочным человеческим следам. Постояла возле них. И вдруг резко засеменила в сторону леса.

– Твою мать, только не это! – воскликнул Стечкин. – Вернись в море, падла!

Однако у краба явно были свои планы, и они в данный момент были связаны отнюдь не с отравленной Балтикой.

Весь отряд проводил взглядами огромного гостя из морских недр, наблюдая за тем, как он, подобно танку, вломился в сухой кустарник и неумолимо продвигался дальше, идя по следу неизвестных.

– Черт! Ну и что нам теперь делать? – сокрушенно махнул рукой Борис. – Пойдем следы изучать – встретимся с этой скотиной. И еще не факт, что его сородичи не вылезут сейчас следом. – Он посмотрел на Стечкина, но тот продолжал глядеть туда, где только что скрылся краб.

– Командир, что делать-то теперь? – спросил Борис громче, видимо, решив, что старший его до этого не слышал.

– Для начала заткнуться и дать мне подумать, – невозмутимо ответил Стечкин.

В люке снова появилась голова Скворцова. Он торопливо лез наружу, отчего получалось это у него неуклюже и вызывало лишнюю суету.

– Васильич! Командир! – доносился из-под маски его приглушенный крик.

– Что такое еще?

– Командир! Взгляни! Ты должен это увидеть! Взгляни на ПУР! – Скворцов протянул майору бинокль.

Павел принял его и посмотрел в сторону видневшегося в километре с лишним здания. Туман уносило в сторону Балтийска, и ПУР стал проглядываться более отчетливо. Вот в окулярах возникли рифленые зеленые стены, потрескавшиеся от времени. Лишенные в некоторых местах стекол «евроокна», установленные незадолго до катаклизма по случаю ожидаемого на учения визита президента страны. Вот наружные лестницы между этажами. Половина ступенек давно сгнила, но подняться еще возможно. Большая смотровая площадка второго этажа. Тут обычно собиралась пресса. От натянутой над ней некогда масксети остались лишь редкие лохмотья, колышущиеся на ветру. Верхняя площадка для высшего командования выступала за пределы стен третьего этажа, находясь над ним, и делала силуэт здания похожим на кувалду. Командный пункт так же частично лишился остекления уже давно. Вот флагшток, идущий с этой площадки. И...

– Что за... – вырвалось из горла Стечкина.

Над ПУРом развевался флаг. Темно-красное, почти бордовое полотнище с большим белым кругом и черной свастикой внутри него.

Глава 2

Форт

– Я бы эту воду пить не стал, – задумчиво проговорил Чел, глядя вниз с каменного парапета. Железная винтовая лестница уходила в темные воды затопленного колодца. Странное дело: с парапета на лестницу не было никакого мостика, а сама лестница начиналась от потолка, метрах в восьми над головой. Этого потолка просто не должно было быть. Или там должен присутствовать люк. Однако как Диггер-Крот не шарил лучом фонаря вверх, никакого намека на люк в потолке он не обнаружил. Тогда где логика? Впрочем, он уже давно знал, что в глухой стене или полу, а значит, и в потолке, может быть такой люк, который и не заметишь, пока тот не откроется, повинуясь какой-то одному этому люку известной силе.

– А тебя никто и не заставляет, – хрюкнул в смешке Марля, закручивая в кусок газеты сушеный желтый мох, который некоторые жители форта собирали с кирпичей у выхода на поверхность.

– Ни черта я не пойму логику этих фрицев. Это ведь лестница из ниоткуда в никуда. Зачем она? – продолжал бормотать Чел. Он навалился на ржавые скрипучие перила, склонился над бездной и плюнул в воду, глядя, как легкое волнение искажает отражение его худой, со впалыми щеками физиономии, обрамленной длинными грязными волосами.

– Эта вода, может, и нормальной была. И ее стоило проверить. Но после того, как ты в нее харкнул, она точно ни на что не годится, придурок чертов! – зло проговорил Крот.

– Чего ругаешься, начальник? – обиженно проскулил Чел и посмотрел на усевшегося «по-турецки» на каменном полу Марлю. Тот уже облизал самокрутку, чтобы не горела, а лишь тлела, и прикурил. Сделал большую затяжку и, зажав пальцами нос, блаженно закатил глаза.

– Эй, чувак! Дай дерну! – Чел лениво протянул худую слабую руку.

Марля, такой же болезненный худой человек двадцати с лишним лет отроду, с грязными и сваливающимися до стостояния дредов волосами под натянутой на самые брови шерстяной шапкой, некоторое время не реагировал, надув щеки, зажав губы и сжимая пальцами нос. Затем прокряхтел, закашлял и протянул желтый мох приятелю, оскалив в идиотской улыбке редкие желтые зубы.

– Да вы вообще охренели?! – воскликнул Диггер, поправляя на носу очки.

– Тихо, чувак. Сейчас мультики будут, – блаженно простонал Марля, раскачиваясь в своей позе.

Крот сплюнул и вернулся к своим изысканиям. Однако мешали мысли. На кой черт Самохин дал ему этих, с позволения сказать, помощников? Проку от них не было никакого. Наоборот. Они мешали. Доставали своей тупостью и необразованностью. Хотя... Чего уж от них ждать? Когда все медным тазом накрылось, они вроде даже в школу еще не ходили. Но все-таки, зачем они ему? Первое время Крот постоянно отвлекался, зная их тягу к желтому мху, который произрастал на старых фортовых кирпичах внешних стен после химических осадков. Все время следил, чтобы эти два обкурка никуда не свалились. Боялся за них, помня тот далекий, так и не стершийся во времени и в пепле всемирной катастрофы крик, мчащийся в глубокую шахту-ловушку. Да. Поначалу беспокоился. А теперь часто ловил себя на мысли, что было бы совсем неплохо, если кто-то из них грохнется в какой-нибудь колодец и пополнит списки жертв наследия Третьего рейха.

Понятно, что Самохин дал ему в помощь самых бесполезных в общине пятого форта людей. Комендант общины никогда не воспринимал всерьез исследования Диггера. Хотя... Уж кто-кто, а он, майор Самохин, как никто другой должен был понимать, чего стоят эти исследования. Ведь именно благодаря им были обнаружены не только места, где немцы выращивали неприхотливые и терпимые к подземелью растения, годящиеся в пищу, но даже подземный

куратник с инкубатором. Все это, конечно, пришло в негодность еще очень давно, но кое-что удавалось теперь использовать. Так в форте появился дополнительный источник пищи, разнообразящий скудный рацион, основу которого составляли крысы да слизи. И уж конечно, Самохин должен был помнить, что если бы не Диггер-Крот, со своей фанатичной тягой к исследованиям подземелий, то остался бы майор там, на опушке леса, и был перемолот ударной волной. Как большинство из тех, кто занимался поиском пропавших школьников в последние дни цивилизации.

Саше Загорскому, которого теперь гораздо чаще величали Диггер или Крот и уже никогда и никто не назовет Гарри Потным, было больно вспоминать прошлое. И дело не столько в том, что тот ясный для Калининграда день стал днем страшного суда для всего мира. Ему было больно за те пять суток, проведенных во мраке. Он на пять суток дольше всех выживших на земле живет в этой сырой и темной агонии. А мог быть дома. С мамой. С отцом и бабулей. С собакой Лесси. Еще пять дней мог видеть их живыми. И умереть с ними в один миг. Но он ушел и пропал. Близкие наверняка выплакали все глаза, обивая пороги инстанций и прося найти пропавших детей. И так и не узнали, что их Саша жив. Единственный. А они все мертвы. И Хруст... И Русик... И Ленка... Мертвы. Да что там! Весь мир мертв. И он выбрался на несколько минут, обессиленный. Уставший и отчаявшийся. Всего на несколько минут. Он стал спасением для майора Самохина и его водителя. Для двух пожилых немцев и эмчээсника, которые ринулись следом в указанную Загорским нору. Те немцы и спасатель давно уже умерли, но свою жизнь они продлили именно благодаря ему. А Самохин и его водитель Борщов живы по сей день. Сам же Александр все время завидовал тем, кто сгинул быстро, не успев ничего понять. Его переполняли боль и безысходность. И все, что заставляло Крота цепляться и жить, – его страсть. Нестерпимая страсть к тайнам той земли, того края, в котором он родился и вырос.

Даже задавая самому себе вопрос, откуда у него такое увлечение, он толком не мог ответить, что стало для него катализатором. Конечно, большинство подростков разных поколений от возникновения Калининградской области на прусской земле и до реквизиета человечеству любили окунаться в тайны этих мистических, мрачных, овеванных легендами и страшными небылицами нацистов. Которых, несмотря ни на что, побили-таки русские – безо всякой чертовщины, а лишь своей воспетой в песне «яростью благородной». Но ведь мало кто знал столько, сколько Саша. В свое время Загорский перечитал все, что только можно было перечитать. Он не довольствовался одними только байками старших пацанов со двора, как это бывало часто. И эта страсть не угасла в нем и сейчас, когда, казалось бы, все прошлое уже стало не важно. Многие так думали, но только не он. Сейчас в форте было достаточно места и для большего количества людей, нашедших здесь убежище. Но что если бы известны были многие другие помещения, открытые им позже, еще до катастрофы? Сколько еще можно было укрыть здесь людей? Скольких можно было спасти? А что если существует мифический подземный город с заводами, машинами, линиями метро и даже аэродромом? Никто в это не верил. Никто, кроме него...

Александр достал из внутреннего кармана потрепанной военной куртки старую схему. Наследство от тех немцев, что помогали в поисках. Из складок схемы выпала фотокарточка, которую он всегда носил с собой. Крот быстро поднял ее и оглянулся на «помощников». Те уже сидели на краю парапета и тихо хихикали, не обращая на старшего никакого внимания. Загорский украдкой взглянул на фото. В центре – Руслан. Лицо затушевано черным маркером так, чтобы и намек на него не осталось. Слева от него – шестнадцатилетний Саша, серьезный, как и всегда. А справа к плечу Руслана прижимается она. Лена. Ленка Бергер. Русская немка, в которую он был тайно влюблен с первого класса... А может, эта страсть ко всему немецкому из-за нее?

Нет. Определенно нет. Александр даже мотнул головой, отгоняя эту мысль. Это все от отцовской коллекции наград вермахта, эсэсовской каски и тубуса от противогаза, что хранились дома. А еще от рассказов прадеда, что пересказывал дед. Про то, как целый батальон немцев, окруженный у Черняховска, тогда еще называвшегося Инстербургом, буквально исчез. Про то, как взятые топливные склады у Переяславки за одну ночь опустели. И только потом стало ясно, что по тайному трубопроводу немцы перекачали все топливо в хранилища морской базы Пиллау⁵. А еще про то, как из части бежал в шестидесятых годах солдат-срочник. И как отправившиеся его искать находили какие-то входы под землю в районе поиска. А потом пропадали и поисковики. Много чего слышал в детстве Саша Загорский. И заболел этим еще тогда, когда даже не слышал о существовании немки Лены...

* * *

– Слышь, Чел? Прикинь, у тебя рука онемела, гыг! – нашептывал Марля на ухо приятелю.

– Чего? – тот безвольно поморщился и тупо уставился на Марлю. – Чего? – повторил он.

– Я говорю, рука у тебя онемела, баклуха! – Марля продолжал тихо хихикать, держась за живот.

– Слышь, чувак, – Чел вытаращил очумелые глаза на свою безвольно повисшую правую руку. – В натуре, чувак! Млин... Палевото, а?.. Палево-то какое...

– Слышь, Чел? Опустит руку в воду. Тогда отпустит. Геге...

– Чувак, ну на хрена ты это делаешь, а? Палево...

Марля не выдержал и, рухнув на край парапета, принялся гоготать с повизгиванием.

Чел тем временем медленно, как сомнамбула, распластался на полу и, свесив безвольную руку, стал тянуться до воды, в которую еще недавно плевал.

– Блин, не могу, Марля! Не достаю!

– Твоя рука резиновая. Она сейчас растянется! – продолжал ржать второй обкурок. – Ты чуеть?! Ты чуеть, как она растягивается?!

– Да. Блин, чувак! Я чую! Она реально тянется. Блин, палево, чувак!

Марля уже стал задыхаться. Его смех выталкивал больше воздуха, чем поступало в прокопченные желтым мхом легкие. Тело сводили судороги, но торчок продолжал гоготать.

– Марля, кореш, оно смотрит на меня...

– БА-ХА-ХА-ХА! Кто?! Кто?! Ахахаха!!!

– Там. Оно. Там есть – оно. И оно смотрит на меня!

Смех Марли невозможно было обуздать. Казалось, что он вот-вот свалиться в колодец, наполненный темной водой, в которую уходила винтовая лестница. Но...

Жуткий визг заглушил и его смех, и собственное эхо в железобетонных коридорах непонятной ветки подземных катакомб. Затем всплеск воды, и нет больше визга. А Марля продолжал смеяться, как одержимый. И даже топот сапог Диггера не отвлек его от этого занятия.

Прибежавший на страшный вопль Александр какое-то время ошарашено смотрел в колыхающуюся черноту воды, облизывающей возникшими волнами и ржавую винтовую лестницу, и покрывшуюся зеленым бархатом стену колодца. Затем схватил не перестающего ржать Марлю за ворот фуфайки и с силой тряхнул:

– Где Чел, твою мать?! Что случилось?!

Обкурок перестал смеяться. Всхлипнул. Уставился прослезившимися от нестерпимого смеха глазами на воду. Тихо хохотнул и выдохнул:

– Во торкнуло-то!

⁵ Пиллау – ныне город Балтийск.

– Где Чел, паскуда?!

– А? – Марля тупо уставился на Крота.

– Что случилось, выродок? Отвечай!

– У... У него рука реально онемела. Он потянул в воду, чтобы отпустило. Она резиновая. Слышь, меня пробило на хавчик, кажись, – бессвязно бормотал Марля.

В бессильной злобе Диггер оттолкнул от себя этого конченного юнца. Затем наотмашь врезал ему кулаком по лицу. И еще раз. И снова. Саня продолжал яростно молотить оставшегося помощника, вымещая на нем все, что накопилось, казалось, за всю его жизнь.

– Мое лицо – глина. Я ничего не чувю. Мое лицо – глина. Я ничего не чувю. Хавать. Хавать хочу, – бормотал Марля, вздрагивая от ударов.

– Н-н-на, сука!!! – и перед лицом обкурка возникла подошва сапога, которая очень быстро приближалась к его физиономии...

* * *

Мужчина среднего роста и быковатого телосложения, с затылком, без предупреждения перетекающим массивными складками с лысой головы в толстую шею, вертел в пальцах самокрутку. У него была привычка, перед тем как закурить, разглядывать ее, читая обрывки слов на газетной либо книжной бумаге. Наверное, было в этом что-то символичное. Газеты. Книги. Накапливаемые столетиями знания и мысли человечества. И вот уже долгие годы никто ничего не печатал на этой планете. А мысли постепенно превращались в пепел и дым, нагоняя давящую им фору цивилизацию, которая их же и породила.

Самохин еще долго сосредоточенно морщился, разглядывая буквы на бумаге самокрутки, ловя свет керосиновой лампы, пока, наконец, не прикурил. Выпустил сизый дым, отправляя в сумрак очередную печатную мысль и снова сократив текстовое наследие мира. Запрокинув голову, глядя в низкий потолок. Шмыгнул широкой ноздрей и дернул головой:

– Ладно. Назови мне хоть одну причину, по которой ты это сделал. Ты хоть понимаешь, что превратил ему лицо в кровавое месиво?

– Ну, есть такое дело, – проворчал Загорский, отвернувшись от дыма.

– Так какого хрена, скажи на милость?

Александр почему-то не любил общество майора. Казалось бы, он и майор были друг для друга самыми близкими людьми с того самого дня, как все случилось. Ведь Самохин затащил его обратно в подземный мир, спасая от ударной волны. А Саша показал Самохину, где надо искать спасение. Но отчего-то Крот всегда чувствовал непонятный дискомфорт, когда этот человек был рядом.

– Чел утонул из-за него. Укурки хреновы...

– Ну да. Конечно, – майор снова затянулся. – А может, это ты Чела убил? Ну, вот взял и утопил.

– Что за бред? – Загорский даже привстал на стуле.

– Не дергайся, Крот. А что? После того, с каким воодушевлением ты превратил голову Марли в кашу, я могу подумать, что ты и не на такое способен.

– Да с какой стати?!

– Не ори. Ты же всегда жаловался на эту парочку. Нет?

– Конечно, жаловался. А что мне было делать, когда эти два барана тащатся за мной и постоянно дурь курят? Никакой пользы от них, зато хлопот полон рот. Я должен был хвалить их, что ли?

– Ну-ну, – скептически покачал головой Самохин. – А что этот Марля бормочет в лазарете?

– Почем я знаю. И что он бормочет?

– Ну, дескать, кто-то смотрел из воды на Чела. Будто был там кто-то. В воде. Как это понимать?

– Да обкуренные они были оба! Им там сам черт привидится! Неужели непонятно?! Запретите вы этот чертов мох собирать! Ну сколько ж можно-то?!

– А ты меня не учи уму-разуму. Лишу я людей желтого мха, а что взамен дам? Водки нет, а расслабляться надо. Пусть курят. Покуда курят, не думают. А как думать начнут, хреноее всем станет во сто крат. Ясно тебе?

– Да это же... – возмутился было Загорский.

– Все, я сказал! – рявкнул комендант общины и, приблизившись к Загорскому, навис над ним. – Ты забыл первые годы? Что больше оскотинит людей: дурь или отсутствие средства ухода от реальности? Подумай!

Александр поднял взгляд на майора.

– Между прочим, в Красноторовский колонии нет никакой дури. Никто там желтый мох не курит. Но почему-то там порядок. И все при деле. И дальние рейды по поверхности совершают. Разве нет?

Самохин нахмурился и сжал зубами самокрутку:

– Ты с чего это взял, Крот?

– Тигран рассказывал.

– Вот как? – хмыкнул комендант. – А ему откуда знать? Он что, был там?

– Он же дружен с тамошним командиром...

Самохин оскалился:

– Да шпик этот твой Тигран! А Стечкин – последний диктатор на планете, и весь его режим – гнилой. А дальние рейды – совсем не обязательно признак процветания. Может, они ищут, что бы захватить и оккупировать? Ты не думал об этом, умник? А вообще... правильно, что не думал. Не стоит. И давай, парень, договоримся так: политикой тут занимаюсь я. Как внешней, так и внутренней. А ты занимаешься своими крысиными норами, и не в свое дело не лезешь.

Последняя фраза была произнесена с нескрываемой угрозой.

– Да нужна мне ваша политика...

– Ну вот и славно... Только что мне прикажешь делать с твоими исследованиями? Одного помощника ты потерял, другого покалечил. У меня тут не фабрика клонов. А от твоих исследований пока одни убытки.

– Мне никто не нужен, – мотнул головой Александр, и ему самому стало холодно от этой мысли.

– Вот значит как? – Самохин выпустил клуб едкого дыма прямо в лицо собеседника. – А ты смелый стал?..

* * *

Колоссальный рукотворный вал местами возвышался на два этажа над крепостным рвом, наполненным водой и давно заросшим тиной. Монументальный комплекс из красного кирпича был обвалован землей и сверху покрыт грунтом, давно поросшим деревьями и кустарником. Практически все наземные помещения отводились под хозяйственные нужды. Раньше тут было некое подобие музея. Окна, заложенные кирпичом и глиной, кое-где они пропускали свет. Укрывшиеся от апокалипсиса люди довольно быстро пришли к мнению, что в оконные проемы следует вставлять автомобильное стекла в несколько слоев, наглухо обмазывая края глиной. Воздух такие стекла не пропускали, много света – тоже. Но это был хоть какой-то свет, проникавший в оранжереи и питомники для животных. Немало людей, занятых на заму-ровывании проемов и окон, ведущих во внешний мир из форта, впоследствии скончались от

лучевой болезни, но дело было сделано. Огромные секции пятого форта оказались изолированы от внешнего мира. Кое-где окна превращались в воздушные фильтры: блокировались с двух сторон от толстой крепостной стены сложенной в несколько слоев мелкозвенной сеткой из оптовых магазинов, торговавших когда-то стройматериалами. Дальше шел поролон. Между слоями поролона засыпался специальный уголь с ближайшего военного склада, коих в области было бесчисленное множество. Качество такого фильтра, конечно, оставляло желать лучшего, однако это было лучше, чем ничего. Со временем частые в этом регионе сильные ветра минимизировали последствия радиоактивного заражения. Однако позже пришла другая напасть: химические дожди и туманы, гонимые со стороны моря. И хотя они были не так часты, как на побережье, тем не менее поверхность оставалась враждебной. И так продолжалось довольно долго. Сейчас, по прошествии двадцати лет, окружающий мир был более милосерден к недобитым людям. Хотя все же иногда таил угрозы. Это были и остаточные очаги радиации, и химическое заражение, и сильное ультрафиолетовое излучение, видимо, ставшее следствием разрушения озонового слоя, вызванного множеством высотных ядерных взрывов противоракет основных стран – участников массового вымирания на земле. А еще таили в себе опасность дикие собаки, неведомым каким образом превратившиеся в настоящих гончих дьявола, а также мошкара в заболоченных участках, способная довольно быстро собраться в огромную тучу. Ее укусы вызывали у незащищенного человека страшную лихорадку, чаще всего кончающуюся смертью. Группы разведчиков общины, отправлявшиеся в дальние вылазки с целью очередной ревизии руин Калининграда, еще поговаривали о странных и крупных следах каких-то неведомых существ. Однако «счастье» повстречать таковых людям пока не выпадало.

Александр шел по нижнему, подземному уровню. Коридоры здесь были практически круглого сечения, словно тоннели метро, которого в Калининграде не было, хотя планы о его постройке имелись. Всюду опостылевший кирпичный цвет аккуратной немецкой кладки. В некоторых местах потолок почернел. Во время штурма цитадели немыслимое количество лет назад, когда Красная армия несла возмездие вероломному врагу на его же земле, здесь бушевал огонь. В большинстве тупиковых веток, являвшихся, видимо, складами у немцев, были оборудованы жилища. Небольшие «квартиры» образовывали перегородки, сделанные с использованием древесноволокнистых плит, досок, фанеры, картонной тары и бесчисленных километров скотча. Жилые помещения располагались на деревянных настилах, собранных из полет. Освещались жилища в основном лучинами. Некоторое время назад появилось даже электричество. Это произошло благодаря изысканиям Загорского, который обнаружил в глубинных уровнях, построенных гораздо позже, уже при нацистах, электрогенераторы, приводимые в движение грунтовыми водами. Отремонтированные, эти генераторы позволили обеспечить коридоры пусть и тусклым, но все-таки электрическим освещением. Странно, что при этом Самохин говорил о бесперспективности исследований Крота. Впрочем, комендант никогда не любил признавать чьих-то заслуг, кроме собственных.

Впрочем, сейчас Александра заботило не это. Он шел и думал о сказанном майору. Ему никто не нужен. Ну конечно! Он бы прекрасно справлялся с блужданиями в казематах, оставшихся от нацистов и открытиями новых территорий, и один. Однако имелся существенный фактор, который не позволял ему этого делать: фактор страха.

Нет, Загорский не боялся призрака пятого форта, сказками о котором жители общины пугали друг друга, особенно после нескольких затяжек самокруткой с желтым мхом. Он панически боялся одиночества, темноты и катакомб. Этот страх не был врожденным. Он появился тогда. За те пять дней отчаянья, предшествовавшие катастрофе, сменившей его личное горе горем всего человечества. С тех самых пор он боялся. Но страх этот выступал в его рассудке в диссонирующем симбиозе с непреодолимой тягой к исследованиям и поискам мифического подземного города.

Так почему он вдруг заявил, что ему не нужны спутники? В силах ли он побороть свой страх и продолжать многолетнюю работу в одиночку? Думая об этом, Крот подошел к своему жилищу, отомкнул навесной замок на фанерной двери и шагнул в темноту. Здесь, среди людей, что бормотали и кашляли повсюду за стенками, этот страх не работал, и тьма была лишь неосвещенным жилищем. А чтобы дойти до койки, свет ему и не был нужен. Многолетняя жизнь здесь сделала каждое движение у себя дома инстинктивным. Вот и сейчас Александр безошибочно подошел к кровати, закрыв за собой дверь. Лег на нее, морщась от скрипа, и притих. Теперь, когда воцарилась тишина и в подземелье слышались только далекие глухие голоса других жителей общины, он явственно ощутил, что в его жилище есть кто-то еще.

Глава 3

Nakenkreuz

– У меня дед Прагу освобождал. С сорок второго года собак этих бил. Да неужто я...

– Командир! Нельзя туда ехать! Может, это ловушка?

– Чего? – озлобленный от увиденного Стечкин не расслышал бубнения из противогаза Бориса.

– Я говорю, не стоит нам туда ехать, как ты хочешь!

– Какого хрена, Боря?! Я должен сорвать это дерьмо с моего ПУРа! Это мой полигон! И земля эта – наша! Мой народ за нее немалой кровью заплатил! Какой идиот вообще водрузил там это?! Скворцов! Птица, твою мать! Чего встал?! – Стечкин забарабанил прикладом автомата по крыше кабины. – Поехали, говорю!

Из люка высунулся Скворцов. Точнее, его воплощение в маске противогаза и натянутом на голову капюшоне ОЗК.

– Товарищ майор! Нечисто тут что-то. Может, не стоит?

– Да что ж вы заладили-то одно и то же?! Что вы ссыте! Я сниму этот флаг! Только подъедь к ПУРу! А ну гони! В морду сейчас врежу!!!

– Да погоди, Василич, – Борис тронул плечо командира, но тот оттолкнул Колесникова.

В этот момент со стороны леса донеслась стрельба. Все, кто был в кузове, приготовили оружие и вперили взгляды в заросли.

– Что там еще такое? – проворчал Стечкин. Упрев приклад в плечо и направив автомат в сторону леса, он напряг слух, пытаясь понять, из чего ведется огонь. За годы, что он был начальником полигона, майор постоянно слышал пальбу на стрельбище и на учениях. Он отлично знал, как стрекочут пулеметы РПК и ПКМ, трещат АКМы и хлещут СВД. И сейчас он был точно уверен, что стрельба велась не из российского оружия.

Из кустов показался человек. Одет он был в плотный комбинезон серого цвета. На лице – шлем-маска с овальным стеклом. В области рта – легочный автомат, от которого, перекинувшись через оба плеча, тянутся к алюминиевому ранцу за спиной гофрированные трубки. В руках у него было оружие. Поначалу Стечкину показалось, что это АК-47, однако что-то в нем было не так.

Тем временем человек споткнулся и покатился по песчаной дюне. Привстал на одно колено. Теперь было видно, что толстая резина его костюма разорвана на бедре и оттуда сочится кровь. Один из гофрированных шлангов болтался на ранце, чем-то перекушенный или перерезанный. Было логичным предположить, что незнакомец подвергся нападению краба. Стрельба из нескольких видов оружия в лесу продолжалась, что красноречиво говорило о наличии там других людей.

– Эй! Сюда! – заорали бойцы Стечкина и принялись жестами звать незнакомца, давая ему понять, что здесь он найдет спасение.

Человек только сейчас обратил внимание на стоявший на пляже ПТС. Странно, что он не заметил стальную громадину раньше. Но, видимо, неизвестного так сильно напугало морское чудовище, вышедшее на берег и атаковавшее его, что все мысли были только о спасении. Тем не менее дружеский жест людей в транспортере он не оценил. Уставившись на ПТС, незнакомец попятился, упал на пятую точку и, отталкиваясь ногами, дабы увеличить расстояние между собой и непонятным для него аппаратом, вскинул свое оружие.

– Черт! – люди в кузове и даже в бронированной кабине тут же пригнулись. Незнакомец открыл огонь. Пули залязгали по бронированной машине, не причиняя ей никакого вреда.

«У него низкая скорострельность. Ниже, чем у “калаша”», – отметил про себя Стечкин и взглянул на новоявленного противника сквозь заднее и лобовое бронестекло кабины.

– Какого хрена он творит? – возмущался рядом Борис.

Павел замер. Теперь, когда, поливая свинцом машину, стрелок водил руками, сжимающими странный «псевдокалашников», стало отчетливо видно, что на его левой руке – красная повязка с черной свастикой в белом круге.

«Ах, вот оно что», – карие глаза майора за маской противогаза превратились в щелки под нахмуренными бровями. Теперь в его сузившееся поле зрения не должно попадать ничего лишнего, что могло бы отвлечь от цели. Теперь он видел настоящего врага. Стечкин резко поднялся, улучив подходящий момент, и дал очередь. Две из трех пуль поразили незнакомца в голову и опрокинули его на спину.

– Зачем, командир?! – воскликнул высунувшийся в очередной раз из люка Скворцов.

– Ибо нехер, – коротко, но емко ответил майор. Затем резко дернул голову влево. – Колесников! Какого хрена?!

– Сейчас, командир! – Борис уже перекинулся через высокий борт ПТС и спрыгнул в песок.

– Что он творит?! – воскликнул Скворцов.

Чертов ОЗК мешал бежать, оглушая шорохом резины. Уже на первом десятке метров воздуха в маске стало не хватать, а когда Борис схватил оружие покойника, то с внутренней стороны стекол уже появилась влага. Колесников хотел еще обыскать мертвого незнакомца, но тут оружие в лесу заговорило с новой силой. И, судя по барабанной дробь, слышимой от корпуса ПТС, огонь переключили на машину. То есть – на них.

– Пригнуться! Не высовываться! – заорал Стечкин. – Скворцов! Двинь вперед и заслони Колесникова корпусом!

– Есть!

– Аппарель открой! Через борт ему лезть нельзя, подстрелят!

– Сделаю!

Борис кинулся обратно к ползущей в его сторону гусеничной машине.

– Через корму! Через корму лезь! – крикнул забравшийся на крышу кабины Павел. Рядом тут же лязгнули пули. – Черт! – выругался майор, свалившись в кузов и подхваченный бойцами. – Что же за уроды...

– Я в машине! – послышался вскоре крик Колесникова. Он без сил рухнул на дно кузова транспорта.

– Скворцов! Закрывай и жми на базу! Быстро!

Аппарель со скрипом стала подниматься. Сделав большой полукруг под неутихающим огнем загадочного неприятеля, ПТС взял обратный курс.

– Василич. – Колесников на четвереньках приблизился к майору. – Смотри! Это «Штурмгеве-44»!

– Чего? – Стечкин с удивлением уставился на принесенный трофей. Теперь, вблизи, было совершенно очевидно, что между ним и первым «Калашниковым» очень мало общего.

– Я говорю, это штурмовая винтовка Хуго Шмайсера! У гитлеровцев были такие в конце Второй мировой!

Стечкин взял в руки незнакомое оружие и с интересом стал его разглядывать. Это, конечно, странно. Область была наводнена стрелковым вооружением, но только советского производства. В хранилищах одного из артскладов имелись также ППШ, Дегтяревы, СВТ и даже легендарные пулеметы «Максим». Все это держали про запас, чтобы в случае войны вооружить все население области. Первые годы остатки этого самого населения охотно выясняли отношения таким вот и более современным наследием. Собственно, встретить человека с русским оружием времен Второй мировой войны было не так удивительно. Если, конечно, не брать во внимание, что уже много лет нигде в округе нет, кроме пятого форта и Красноторовской колонии, вообще нет людей. Да и вообще встретить человека как такового вне этих

зон по меньшей мере странно. В лесу, на территории воинской части, где базировался морской спецназ ГРУ, в арсенале имелись также образцы стрелкового оружия стран НАТО, и этими стволами местных тоже не удивишь. Но «Штурмгеве-44»... Откуда? Выкопали из земли? Но у него превосходное состояние. По лакированному деревянному прикладу уж никак нельзя сказать, что этой штурмовой винтовке больше восьмидесяти лет.

Майор вернул оружие Борису и приоткрыл второй люк кабины, который соединял ее с пространством кузова.

– Птица! Эй!

– Да? – отозвался Скворцов.

– Ты быстрее не можешь?

– Масло давно не меняли. Нельзя движок насиловать.

– Хреново...

– Чего?

– Я говорю, хреново, что следы у нас! По ним они быстро выйдут к нашей обители.

– Тогда зачем ты того кренделя грохнул? – развел руками Колесников. – Теперь-то мы по-любому враги. А если бы не стрелял?

– Он сам палил по нам, – отмахнулся Стечкин.

– Да напуган он был, вот и все.

– А свастика? У него свастика на рукаве!

– И это повод для убийства?

– Боря, ты какого черта мне капаешь на мозги?! К твоему сведению, остальные открыли огонь из леса. Они никак не могли видеть, что я убил их дружка. Так что об их намерениях и дружелюбности можно даже не гадать.

– Командир, – подал голос один из бойцов, – а почему «дружка»? Вдруг он как раз убежал от тех, что в лесу? А они решили, что мы с ним заодно?

– А краб? – фыркнул Стечкин.

– Да дело могло быть и не в крабе...

– Да черт с ними! Сейчас это не важно. Нам сейчас оборону надо организовать. Одно ясно: к нам заявились незваные гости, которые не стесняются применять оружие. И еще... Они водрузили этот флаг над моим полигоном. – Майор чуть приподнялся, глядя в сторону ПУРа. – Я не я буду, если не сорву-таки эту тряпку!..

* * *

Александр не ошибся. В его жилище действительно был посторонний. Когда незванный гость зажег лучину, то Крот сразу узнал в этом темноволосом с заметной проседью человеке своего соседа. Тот смотрел на Загорского, как всегда прищурившись и почесывая густую седую щетину на подбородке.

– Тигран? Ты какого черта тут делаешь? И как ты вообще сюда попал? Замок ведь на двери висел! – возмущенно заговорил Александр.

Тигран в ответ только усмехнулся и кивнул на стену. Только сейчас Загорский заметил зияющую в ней дыру.

– Что за... Ты на кой черт стену разломал?!

– Только не надо вопить так, будто мне больше делать нечего, как крушить стены форта, – поморщился Тигран.

– А что случилось-то?

– Я полку хотел повесить в своей хибаре. Взял отбойник, молоток поувесистее и стал долбить дырку под дюбель. А стена возьми да и рухни. Заодно и у тебя чуть посыпалась.

– А я думал, там, за кладкой, грунт... – проворчал Александр, принявшись изучать свои схемы. Если верить им, в данном месте никаких помещений не предполагалось.

– Да мы все так думали. Ты же у нас голова в данных вопросах.

– А что там? – Крот направил фонарь в дыру и, нажимая рычаг, заставил его светиться.

– Небольшая комната и ящики, – пожал плечами Тигран.

– А в них что?

– Консервы.

– Консервы?! – воскликнул Александр.

– Да ты успокойся, Крот. Их уже лет семьдесят кушать нельзя. Или даже восемьдесят.

– Ну да, – вздохнул Загорский. – И то верно... – Он поднялся с койки и неторопливо пролез в зияющую дыру. Проворчал, морщась: – Что за запах такой?

– Грибок это. Подъел он кирпич, а особенно – раствор, которым кладка скреплялась, – пояснил пролезший следом Тигран, – оттого стена и рухнула. Так бы стояла, но стоило по ней постучать... Результат, короче, налицо.

– Ясно... Постой-ка! – Крот развернулся, водя лучом фонаря вокруг себя. – Я что-то не понял. В этом помещении нет дверей?

– Вот это и интересно. Сложили тут эти ящики, а вход замуровали кирпичной кладкой. Причем из-за этого грибка не понять, где кладка свежее. Хотя, похоже, замуровывали стену так, чтобы снаружи не было заметно.

Александр подошел к прогнившим деревянным ящикам. Их тут было несколько десятков. Довольно крупные. В каждом можно уместить человека при условии, что тот согнется в три погибели. На стенках еще различимы черные клейма с нацистским орлом, свастикой и надписью «VERBOTEN»⁶. Были еще какие-то буквы помельче, но понять, что они значили, уже невозможно. Крот открыл один из ящиков. Плотные сложенные железные банки, каждая из которых тщательно обернута промасленной бумагой. Неслабые консервы – литра по три объемом, наверное, если не больше. Загорский попытался извлечь одну, но едва не уронил.

– Черт! Ну и тяжесть! Что же в них такое? – он все-таки с трудом извлек банку и, оторвав бумагу, стал разглядывать. Масло сделало свое дело. Несмотря на очень долгий срок, что они тут лежат, ржавчина тронула только ободки крышки и дна, да и то слегка. Этикетки на банке не было, только отечканенное на крышке клеймо в виде тупозубой шестеренки со свастикой в центре. – Странное какое-то клеймо для провианта...

– Да у фрицев этих все какое-то странное было... Глянь, шинель кто-то оставил.

В дальнем углу на одиноко стоящем ящике действительно лежало то, что когда-то было шинелью. Тлен настолько изъел одежду, что она напоминала больше скомканную марлю. Причем характерный мышинный цвет формы вермахта давно приобрел какой-то гнилостно-зеленый оттенок. Поверх шинели лежал задубевший ремень с бляхой. Александр подошел и посветил на нее. Бляха была ржавой, но круг с орлом и все той же свастикой в центре проглядывался все еще хорошо. Над орлом полукругом шла надпись «GOTT MIT UNS».

– Что тут написано? – спросил Тигран.

– Бог с нами, – мрачно произнес Крот.

– А. Типа как на баксах писали? In god we trust?⁷

– Дословно нет, но по смыслу, наверное, то же самое... Кто бы не оставил это здесь, похоже, они сильно торопились. Наверное, запыхался солдат, затаскивая сюда эти ящики, вспомнил, вот и снял шинель с ремнем. А потом офицер громко и настойчиво велел убраться отсюда и заложили тайник.

⁶ Запрещено (нем.)

⁷ Мы верим в бога (англ.) – официальный девиз США. На национальной валюте размещается с 1864 (монеты) и с 1957 (банкноты) годов.

Александр прикрыл глаза, вгоняя себя в тот транс благоговения, который дарили ему ощущения от прикосновения к таинственной истории Третьего рейха. Он словно увидел, как солдаты вермахта спешно тащат сюда эти тяжелые ящики. Как вокруг царит нездоровая суэта и всюду слышится лающая немецкая речь. Он будто оказался в том времени, невидимый для усталых и задерганных резкими окриками начальства солдат.

– Эй, ты чего? – Тигран бесцеремонно толкнул Диггера.

– Задумался, – пожал плечами тот. – Давай откроем одну банку? Все-таки что-то тут не так. Что же это за еда...

– Ага, откроем, – ухмыльнулся сосед, не дав ему договорить. – Но сперва ты мне скажи, дружок, что за история там у тебя с Челом и Марлей случилась?

– Не понял, – Александр уставился на соседа, – Баграмян, ты что имеешь в виду?

– Я по этому поводу, кстати, к тебе на огонек зашел. Что с Челом?

– Утонул он, – нахмурился Крот.

– Ага, и в честь этого ты реанимировал Марлю? Имею в виду, что ему после этого реанимация не помешала бы.

– Я уже все Самохину объяснил. Тебе-то что надо?

– Нож мой у Чела был. Банку открыть нечем. Он, часом, перед тем как сгинуть, ножик мой не обронил?

– Нет. Ты про тот спецназовский клинок?

Тигран кивнул:

– Именно.

– А на кой черт ты его дал этому торчку?

– Ага, дал, – фыркнул Баграмян. – Он его украл. Ксюха призналась. Они недавно выходили наверх, мох собирать. Так вот этот пес моим ножом свою дрянь соскабливал. Где он утонул-то?

– Ты что, достать хочешь? – теперь усмехнулся Александр.

– А почему бы и нет?

Загорский вздохнул и вернулся в свою комнату:

– Ладно. Покажу тебе тот колодец. Только не сегодня.

– Ага. Спасибо тебе, сосед. Мне сегодня все равно в рейд на поверхность идти.

– Ну, туда идти долго, где он утоп. Тебе это время лучше на отдых потратить перед рейдом. Скажи лучше, что нам теперь с этой дырой делать?

– Как что? У нас теперь квартирки больше будут, – засмеялся Тигран.

– А грибок?

– Ну, добуду хлорку, известь и карбид да обработаю как следует...

– Спятил? Тут же придется выселять всех из этой секции!

– Ничего, недельку перекантуются на чемоданах. Места у нас много, куда можно переселить на время. Так ведь?

– Реакцию их не предполагаешь?

– Я тут человек авторитетный. Бузить не будут, – махнул рукой Тигран.

– Ну-ну, авторитетный, – хмыкнул Александр.

Сосед прищурился и посмотрел на него:

– В чем дело?

– Комендант тобой недоволен очень.

– Почему это?

– Из-за твоих нескрываемых симпатий лидеру Красноторовской колонии.

Тигран ничего не сказал, только улыбнулся недобро. Затем загадочно покачал головой:

– Ладно, поглядим... Тебе что-нибудь надо с поверхности?

Александр задумчиво уставился в округлый потолок из красного кирпича и почему-то подумал, что из-за грибка он однажды рухнет обитателям на голову. Затем память выудила из своих глубин строгие угловатые сечения железобетонных тоннелей. Ниша от электрощита. Крутящийся пол. Егор. Руслан. Лена...

– Достань мне фоторамку, – тихо сказал Крот.

– Чего?

– Цифровую фоторамку. Помнишь такие?

– Помню. А на кой она тебе сдалась теперь?

– Просто найди. Это ведь несложно, в Кениге магазины со всяким электронным барахлом на каждом углу были. Только обязательно в упаковке. Есть шанс, что там схемы не окислились, и она заработает. Электричество ведь у нас есть...

– Ладно. Обещать не буду, но постараюсь, – Тигран хлопнул Александра по плечу и сквозь дыру направился в свое жилище.

Крот подошел к своей тумбочке у изголовья койки. Выдвинул ящик. Порылся в бумагах и извлек из глубин старую фотокарточку с изображением какой-то решетки кованой стали, с коваными же буквами «Jedem das Seine».

– Каждому свое, – отрешенно произнес он перевод. Следом в его руке оказался небольшой круглый значок национал-социалистской немецкой партии со свастикой в центре. И последнее, что он извлек, это серебристый цифровой фотоаппарат. Тот самый, что Ленка Бергер взяла с собой в их последний поход.

Глава 4

Контакт

– Какие шутки, Эдик! – Стечкин проводил взглядом еще пятерых бойцов, торопливо движущихся к дегазационной, бряцая оружием. – Кто мог такое сделать? В Балтийске нет людей. В Приморске и Янтарном – тоже. Само собой, и в Дивном нет. Да вообще нет нигде, кроме нас, пятого форта и Пионерского.

– Ну а эти откуда взялись, по-твоему? – развел руками Шестаков.

– Да мне почем знать? – Павел раздраженно пожал плечами. – По морю пришли!

– По морю? – усмехнулся Прапорщик. – Это по нашему-то морю?

– Ну не по воздуху же, Эдик. Лодка пионерцев ведь пришла как-то. И это в те еще годы, когда все хуже было и с воздухом, и осадками.

– Так может, они?

– Эдик, я знаю тамошних лидеров. Они нормальные, вменяемые люди. Даже лучше, чем Самохинские. Не они это.

– Надо бы языка взять. Вот он и расскажет.

– Я тоже думаю об этом. Очень надо взять. А пока оборона... Птица! Эй!

По коридору послышался топот и возник Скворцов, на сей раз не в своем ОЗК, а в повседневном облачении бункера: камуфляж, портупея с флягой, гвардейский значок и висящий на груди погон лейтенанта.

– Товарищ гвардии майор! Два БТРа готовы. Люди тоже.

– Отлично. Садись и дуй на всех парах в Калининград. В Пятый форт. Сообщи им, что тут происходит. Желательно, чтобы Самохин своих бойцов в твои коробочки погрузил – и сюда, на подмогу. Неизвестно, сколько нам гостей ждать, там должны по-любому знать, что на нашу землю враг пришел. Понял?

Скворцов сделал удивленное лицо:

– Павел Васильевич. Я думал, что нам...

– Оборона и без тебя выстоит, герой. Твоя задача не менее важна. Выполнять приказ!

– Есть!

– Стой!

– Да?

– Рации рабочие на коробочках?

– Были – да, но ведь не пользовались...

– Короче, так. Убедись, что рабочая. Если что, возьми другую. Дробот сейчас внешнюю антенну подключит. По карте ты ориентируешься хорошо, так что имей в виду: от Кумачово или от заброшенного аэродрома Дунаевка должна ловить. Позывные помнишь?

– Конечно.

– Ну, все. С богом! И давай все по-быстрому!

Скворцов бросился к выходу.

– Так. Эдик. На тебе внутренняя безопасность.

– Ты меня совсем в старики записал? – покачал головой Шестаков.

– Дружище, давай не сейчас, а? Времени мало, – досадливо поморщился Стечкин.

– Ну ладно. Говори.

– Короче, так. Как только мы выйдем, закрыть все наглухо. Причем внутренние гермодвери по всему бункеру тоже задрать. И чтоб все были на своих местах. Дальше. Мы пробуем там минимум четыре часа. Даже если никто не придет. Если будет все спокойно, я начну отпускать по одному отделению в час. Возьми листок, – Стечкин протянул бумагу. – Тут последовательность цифр. У любого, кто придет с поверхности, запросить эту последовательность.

Если не назовут – шли к чертовой матери или пристрели. Если начнется бой и кто-то вернется раньше, чем через четыре часа, то это только раненые. Вторая строчка цифр – медслужба. Их пароль. Понял? И еще. Мы выключим ветряки, так что без электричества будете. Только аккумуляторы у Дробота для рации. Мачты они, конечно, все равно заметят, но если лопасти не будут крутиться, то, возможно, не привлекут внимание стрелков. Иначе побьют ветряки.

– Что-то ты краски сгущаешь, – нахмурился Шестаков, разглядывая строчки цифр на листке.

– Лучше подготовиться, ждать и не дожидаться, чем не подготовиться, взять и облажаться.

Стечкин вышел в слабо освещенный коридор с невысоким потолком и двинулся в сторону выхода. У дегазационной уже стояло тридцать человек, облаченных в ОЗК и с оружием в руках. Капитан Колесников еще не натянул маску и капюшон и все еще держал в руках «Штурмгевер». – Ты с ним, что ли, воевать собрался? – усмехнулся Стечкин.

– «Калашников» лучше. А куда этот трофей девать?

– Отдай пока Менделееву. Так, бойцы, вы все поняли?

– Так точно! – хором гулко отозвались маски противогазов.

– Комоды, руководите отделениями и занимайте оборону. Марш!

Строй повернулся направо и цепочкой кинулся к выходу. К майору подошел химик и протянул его свернутый ОЗК. Стечкин торопливо принялся одевать защиту. Откинув в сторону противогаз, он произнес:

– Дай мне респиратор.

– Респиратор? – удивился Менделеев. – Да, но...

– Не тяни время! Дай респиратор, говорю! В противогазе из СВД стрелять неудобно!

– А если туман?! Глаза ведь выест!

– Туман в Балтийск утянуло. Да что встал-то?! Бегом за респиратором!

* * *

Сухой валежник и мертвый кустарник ломались под широкими колесами двух бронетранспортеров. Тратить время на поиски оптимального пути сейчас было неуместно, и бронемашины рвались напролом, наполняя мрачный лес, застланный мертвыми зарослями прошлого и странными растениями настоящего, рокотом двигателей и хрустом. Скворцов торчал из командирского люка, одной рукой придерживая у горла ларингофон⁸, а другой держался за сам люк, стараясь избежать ушибов от движения таким темпом и по такой местности. Велико было искушение сорвать ко всем чертям маску. Пот заливал стекла, и командир группы постоянно тряс головой.

– Левее. Еще. Так, – произнес он, прижимая к шее ларингофон.

– Понял, – ответил механик-водитель.

БТР нырнул в какую-то топь, и мощный фонтан вырвался из-под бронированного корпуса. Капли грязной воды разметались колесами. Второй транспортер обогнал его. Водитель стал выводить машину из топи. Сначала это удавалось, но потом сзади показалось облако пара, и машина, несмотря на то, что редела все громче, двигалась при этом все медленнее.

– Что такое, Дима?! – закричал лейтенант.

– Завязли, командир!

– Как это завязли?! Это же вездеход!

– И что? Не вертолет ведь! Сели мы на брюхо!

– Сдай назад!

– Сейчас попробую!

⁸ Устройство связи в танковых шлемах. Выполняет роль микрофона, преобразуя горловые вибрации в речь.

Скворцов наклонился и взглянул на колеса. Двигатель ревел. Из-под утонувшего в грязной жиже корпуса вырывался пар. Колеса крутились, как бешенные, рассеивая грязь и воду. Но машина не двигалась.

– Черт! Дима! Не мучь двигатель! Разматывай лебедку!

Тем временем второй бронетранспортер развернулся и подкатил к ним.

– Командир! – крикнул сержант Михеев, высунувшийся из люка второй машины. – Мы сейчас вас вытянем!

– Времени нет! Мы на брюхе, а ты еще на ходу! У меня на этот счет четкие инструкции! Вали в пятый форт, да побыстрее! Мы нагоним! Только поменьше следов оставляй, а то эти и туда доберутся быстро!

– Я понял! Ни пуха!

– К черту!

Второй БТР сдал назад, развернулся и помчался по заданному маршруту.

Тем временем водитель Скворцовского транспортера открыл крышку в носовой и лейтенант потянул на себя лебедку.

– Нейтральное положение поставь! Не тянется! – крикнул он.

– Сейчас! Готово!

Трос стал разматываться. Скворцов тянул, навалившись всем телом и продолжая проклинать свою маску, затопленную потом. До ближайшего дерева, казавшегося достаточно крепким, чтобы обхватить его тросом лебедки и способного выдержать почти четырнадцатитонную машину, было еще метров десять. Но эти чертовы десять метров надо было пройти, растягивая непослушный трос. Справа в кустах показалось какое-то шевеление. Лейтенант снова тряхнул головой. Сквозь влажные стекла ему показалось, что там скрытно приближаются несколько людей. И у одного из них в руках...

– Твою мать! – Скворцов швырнул трос и бросился обратно к бронетранспортеру. – Дима! Автомат! Возьми автомат!

– Что? – Водитель высунулся из своего люка и оттянул рукой резину противогаза возле уха, чтобы лучше слышать.

– Стреляй! У них фауст...

В кустах раздался хлопок, и огромное облако дыма заволокло то место, где скрывались неизвестные. Тут же яркая вспышка озаарила броневики и раздался взрыв, безжалостно швырнувший лейтенанта в грязь. Он взвыл от боли и страшного жжения в правой ноге. Рука в трехпалой резиновой перчатке тщетно пыталась нащупать ногу. Ее не было. Скворцов, наконец, сорвал с себя противогаз и сделал глубокий вдох сырого прелого воздуха с кисловатым запахом.

– Господи! – выдохнул он, видя, что его нога лежит рядом с передним колесом броневика. Боковой десантный люк был разворочен, а его нижнюю секцию вообще оторвало. Похоже, ее осколком Борису и срезало конечность. – Не может быть... – Он сбросил с ладоней перчатки и, крича от боли, перевернулся на живот, а потом пополз к своей ноге.

В кустах затрещали ветки под чьими-то шагами. Раздались искаженные масками голоса. Это было что угодно, но не родная для слуха лейтенанта речь.

Скворцов запустил руки под себя, в сумку с фильтром противогаза. Там были две гранаты.

Что с Димой? Где он?

Тем временем к нему приблизились трое на полусогнутых ногах. Одеты они были, как и тот, которого подстрелил у моря Стечкин. У двоих МП-44, у одного пулемет МГ-42 с барабаном типа «кулич».

– Гдье твой зольдат, рус?! – крикнул тот, что с пулеметом.

– Tote es!⁹ – раздался возглас второго.

– Немцы? – в полубреду простонал Сковорцов. – Что за ерунда... – Он приподнял голову и увидел плывущим от болевого шока взглядом свастики на рукавах комбинезонов. – Фашисты. Я понял. Это дурной сон. Мы ведь вас давно побили, собаки...

– Was?¹⁰ – Пулеметчик наклонился.

Лейтенант перевернулся на спину и раскинул руки.

– Получите!..

Слитно прогремели взрывы. Двоих настигло осколками так, что они упали уже мертвыми. Второй свалился в грязь и принялся орать, держась за распоротый живот.

Тем временем водитель БТР осторожно выглянул из люка. Тут же раздался выстрел. Пули лязгнули по броне, и Дима снова скрылся в машине. К броневика бежали еще четверо, на ходу поливая его свинцом. От собственной стрельбы они не расслышали гул мотора справа от себя. А когда заговорил КПВТ, было уже поздно: пули калибра 14,5 миллиметров разнесли в мелкие ошметки голову одному и оторвали руку второму. Второй БТР-80 продолжал двигаться, ведя огонь из своего главного калибра. Двое врагов кинулись бежать, но очередь тут же перечеркнула его фигуру. Последний замахнулся в развороте, чтобы кинуть в машину гранату, но очередная порция крупнокалиберной смерти отбросила эту самую руку в сторону и разворотила человеку грудную клетку. Броневику еще минуту вертел башней в поисках целей, но таковых более не нашлось. Сержант Михеев выскочил из транспортера и бросился к телу лейтенанта. Не мешкая, добил выстрелом из автомата все еще кричащего раненого врага.

– Сковорцов! Летеха! Черт! – Он склонился над трупом товарища, лишенного одной ноги и обеих рук. – Митя! Ты где?! Кошевой!

Водитель первого броневика осторожно выбрался из пробоины. Михеев ошарашено уставился на него.

– Дима! Какого хрена ты противогаз снял?!

– Меня вырвало... Черт... – Кошевой уставился на мертвого командира и вдруг заплакал. – Михей, я трусил! Застрели меня! Я обгадился, трусил!

Сержант подскочил к водителю и врезал по лицу.

– Успокойся! Возьми себя в руки! Что с коробочкой?!

– А?

– Что с бэтэром?!

– Броня пробита справа. Колесо одно пробито, кажется. А так цел... Михей, что же это творится? Кто они?

– Заткни хлебало! Собери оружие, одень маску и марш в наш броневик, живо!

– А как же командир?! Зверью оставим?

Сержант опустил голову и вздохнул. Ему тоже очень хотелось снять треклятый противогаз.

– Да, Птицу похоронить как офицера надобно... Ладно, поступим так. Мы сейчас тебя вытащим, погрузим к тебе летеху – и что есть мочи мчи обратно на базу. Только доберись, прошу тебя. Расскажи все, как было. Ты слушаешь меня?!

– Да... Да...

– Пока я цепляю твой бэтэр, собери оружие этих уродов. Проверь, может, жетоны какие или документы. И смотри по сторонам. Может, еще кто в кустах есть.

– Да, я сделаю...

⁹ Убейте его! (нем.)

¹⁰ Что? (нем.)

* * *

Ветер шуршал в кронах изуродованных деревьев. Свистел между замерших лопастей трех мачт ветрогенераторов, которые торчали, закрепленные за стену полуразрушенного здания общежития. Гонял опавшие сухие листья, заставляя высокую траву тереться друг о друга. Вечерело. Спускающееся к морю солнце подсвечивало землю сквозь пену плывущих облаков, то и дело выныривая в просветах и обжигая зрение.

Стечкин рассредоточил своих бойцов вокруг ангаров и входа в бункер. Сделал он это так, чтобы каждый боец мог видеть ближайших и обмениваться по цепочке информацией посредством жестов. В трех местах скрытно сосредоточены по одному бронетранспортеру. Стечкин то и дело поглядывал с холма, на котором выбрал себе позицию в сторону каждого из них, желая еще раз убедиться, что сухой кустарник и свисающие ветки надежно маскируют технику.

– Зараза, еще минут пять, и солнце будет светить в прицел! – проворчал майор после того, как светило в очередной раз подмигнуло в разрыве облаков.

– Что? – шепнул Колесников, повернувшись к нему.

– Мне бленда нужна подлиннее на прицел. Иначе засветим зайчиком так, что все равно как с оркестром встречать и шариками...

Борис снял свою перчатку и принялся орудовать ножом. Уже через пару минут он надел на оптический прицел СВД командира цилиндр, скрученный из резины этой самой перчатки.

– Так лучше?

– Ты на кой хрен вещь казенную испортил?

– Казенную? – Борис тихо засмеялся в маску. – Ну, ты шутник, Василич! Да ничего. Гостей положим тут костыми, я у них возьму. У них они пятипалые.

– Вот было бы занятно, если шестипалые, да? – ухмыльнулся майор и тут же затих, вслушиваясь в далекий звук. – Ты слышал это, капитан?

– Что?

– Да сними ты капюшон. Взрыв не слышал?

– Нет, кажись. Я подумал про шестипалую ладонь и...

Стечкин заметил, что один из бойцов, лежавший в кустах на склоне, чуть повернул голову в том направлении. Значит, тоже услышал. Значит, не показалось.

– Хреново дело. Туда ведь конвой Скворцова отправился. И взрыв.

– Ты думаешь, что...

– Боюсь даже думать.

Они замолчали, вслушиваясь в шелест ветра и любые иные звуки, которые могли пронзить влажный воздух янтарного края.

– Вот! – громко шепнул Борис. – Точно! Еще взрыв. Или даже два сразу.

– Тише ты! Твой шепот в наморднике слышно почище этих взрывов.

– Ребята в засаду попали...

– Это очевидно. Тихо... Стреляют. О... КПВТ. Так... Стихло все.

– Последним стрелял, кажись, КПВТ?

– Именно. Значит, наши засаду перебили. Надеюсь. Так, все. Ползи на свое место. Дальше только жестами.

– Слушай, Василич...

– Ну чего еще?

– Может... в самом деле зря ты того на пляже положил?

– Ну, давай я пойду, извинюсь, а? – раздраженно бросил Стечкин.

– Да нет... Но...

– Они пришли к нам. Скрывали свою численность, идя след в след. Пришли с оружием. Отрыли по нам огонь. Мы им должны были выставить ноту протеста, подставить другую щеку, задницу и уступить территорию?

– Ты слышал про инстинкт указательного пальца?

– Чего? Какого еще, к хренам, пальца?

– Ну, ты всю жизнь военный. На твоих глазах мировая война прокатилась. А ты так никого и не убил. И тут возможность. Оружие, палец на спусковом крючке. Есть в кого пострелять... Убиваешь и находишь этому обоснование...

– Слышь, Колесников, ты часом желтый мох не куришь, как эти в Пятом форте, а? Инстинкт указательного пальца, говоришь? А про эффект отбитого копчика ты не слышал?

– Да чего ты кипятишься, командир...

– Вали на свою позицию! Тоже мне, Махатма Ганди!

– Кто?

– Пшел отсюда я сказал!

– Ухожу, ухожу, – проворчал Колесников и перекатился на пятнадцать метров вниз по правому склону.

На левом склоне боец снял с руки перчатку и поднял кулак. Это означало «внимание». Боец сигнализировал далее по цепи, что ему передают информацию. Разжал кулак и указал ладонью в сторону.

Значит, в том направлении... Поднял четыре растопыренные пальца. В том направлении четыре человека. Снова сжал кулак и указательным пальцем сделал «стреляющее» движение... Значит, эти четверо вооружены.

Стечкин прильнул к окуляру прицела. Вскоре четверку, вышедшую из зарослей, заметил и он. Оказавшись на открытом пространстве, неизвестные присели, оставаясь в пределах подступающего к территории базы кустарника. Долго оглядывались, всматривались в следы ПТС-ки. Решиться выйти из скрывающего леса было непросто, и противник долго этого не делал. Его явно смущали большой холм над бункером и остатки зданий. Тот самый холм, на вершине которого расположился Стечкин, а по склонам – несколько его подчиненных. Однако едва ли заметят. К тому же их маски сильно ухудшали видимость. Впрочем, как и противогазы обороняющейся стороны.

Наконец, противник стал осторожно выдвигаться. Теперь стало очевидно, что чужаков не четверо, а минимум пара десятков. Движение неприятеля было слаженным. Причем, когда одни приседали, распределяя сектора обстрела своим оружием, другие тут же начинали двигаться на некоторое расстояние. Потом приседали они, и роли менялись. Майор заметил, что они одеты так же, как и убитый им, включая свастики на левом рукаве комбинезона. На правой руке тоже были повязки. У одних черные, у других белые. Так. Ясно. Это первые и вторые номера. Первые присели, вторые идут. И наоборот. Так. А кто командует ими? После недолгого наблюдения, Павел заметил, что у двоих черные перчатки, тогда как у остальных они серые под цвет комбинезонов. И именно эти двое подают руками какие-то знаки. Ясно. Это командиры. Стечкин сжал кулак. Затем приподнял этой рукой свою перчатку и осторожно покачал перед собой. После этого опустил ее и средним и указательным пальцами три раза постучал себе по плечу, словно показывая на погон, которого, конечно, на ОЗК не было. Это был сигнал остальным: обратить внимание на перчатки. У кого они отличные от остальной массы, тот командир. А значит, приоритетная цель для огня на поражение.

Однако пока никто не стрелял. Бойцы знали, что первый выстрел сделает командир. А уж потом... Но Стечкин медлил. Указательный палец поглаживал спусковой крючок снайперской винтовки.

«Хренов Боря, – думал майор. – Пацифист, етить твою». И было отчего. Он вдруг ясно ощутил колебания в своем всегда холодном и всегда трезво оценивающим обстановку разуме.

Теперь он думал о том, что сказал Колесников. Может, не стоит сейчас стрелять на поражение? Может, предупредить для начала? Вдруг они просто не поняли друг друга, а то убийство на пляже было именно убийством, а не актом самообороны? Ведь впервые за долгие годы в мире, где не было никого, кроме общины пятого форта, Красноторовской колонии «Блок-6» и несчастных Пионерцев с их бесполезной теперь лодкой, появился кто-то еще. И первое, что произошло при этом контакте, – перестрелка и убийство. Он допустил ошибку? Роковую ошибку? Может, сейчас крикнуть, дескать, стойте, давайте поговорим, опустите оружие или стреляем? А эти свастики... Просто свастики. Древние символы, не имеющие никакого отношения к нацистам, принесшим столько горя его народу и Родине? Но... Нет. Первое, что сделали неизвестные, ступив на эту землю, – водрузили свой флаг на первом встреченном здании. На ПУРе. Свой флаг. Это демонстрация своих намерений. Они объявили эту землю своей, даже не удосужившись разобраться, есть ли тут выжившие и что они по этому поводу думают. Нет. Сомнений никаких быть не должно. Перед ним, в прицельной шкале СВД, агрессоры. Захватчики. Враги.

Рука твердо обхватила рукоять. Холодный ствол бесстрастно уставился на первого обладателя черных перчаток. Палец плавно начал ход, давая винтовке понять, что пришел ее черед выполнять свою прямую обязанность: лишать жизни. Она исполнила предназначенное ей создателем безукоризненно. Выстрел, подобный удару плетки, разорвал ветреную тишину, и пуля влетела в голову цели.

Подчиненные Стечкина тут же открыли огонь. Эффект неожиданности сделал свое дело. В первые секунды положили восемь человек. Остальные бойцы, что высматривали другие направления на случай, если враг берет это место в кольцо, в боине не участвовали, терпеливо дожидаясь своей очереди.

Ждать долго им не пришлось. Пока авангард, встреченный огнем защитников «Блока-6» стал спешно отступать в заросли, со стороны бывшего города Янтарный начался шквальный обстрел из автоматического оружия. Впрочем, Стечкин предусмотрел подобное развитие событий – все-таки офицером он был не просто так. Выбранные им для стрелков позиции не были чрезмерно оголены с правого фланга, откуда начался обстрел второй группой пришедших. Бойцы, ответственные за этот сектор, отметили для себя места дислокации противника по вспышкам выстрелов в зарослях и открыли ответный прицельный огонь, сдабривая порции свинца «посылочками» из подствольных гранатометов. Враг явно не ожидал такого горячего приема, и на перегруппировку и смену тактики ему потребовалось значительное время, в которое он нес потери. Но спустя некоторое время ситуация стала меняться. На склон упало две гранаты. Затем справа возникла стена огня. Огненное облако врезалось в правый склон, разбрызгивая капли пламени и поджигая сухую траву и кустарник.

– Отходим! – заорал Колесников. Четверо бойцов и он сам бросились к вершине, чтобы найти укрытие за холмом. ОЗК одного из них горел. Тут же ожесточилась пальба из штурмовых винтовок врага.

Перед боем Стечкин проинструктировал своих: если что-то пойдет не так, то обороняющиеся должны сменить позиции по линии общежитие – штаб – казарма – ангары – холм, а резерв отходит на тыловую территорию, где раньше был автопарк. То, что враг принялся метать гранаты и использовать огнемет, было сигналом: что пошло не так. Неизвестные не отступили и не были перебиты, как ожидалось. Они продолжали теснить оборону. Следовательно, работаем по наихудшему варианту. Не дожидаясь команды, бойцы принялись отходить на новые рубежи. В это время в бой вступил скрытый боевой резерв, занявший позиции на нижних, уцелевших этажах общежития и казарменного здания. Они прикрывали отход. Правило было простое: поток свинца, льющийся на врага, не должен иссякать даже во время отступления. Убедившись, что горящего бойца потушили и последняя группа, прикрывающая правый фланг и возглавляемая Борисом, успешно отходит на новый рубеж, майор стал замыкать отступле-

ние. Теперь надо срочно закрепиться на новом рубеже и открыть огонь, в то время как боевой резерв, что сейчас поливает заросли свинцом, начнет отходить к автопарку. Далее, надо дать врагу возможность занять высоту на холме. Холм – это не просто высота, стратегическая точка. Значит, удобная позиция для ведения огня и уничтожения огневых точек в зданиях, до которых сейчас огнеметом не достать и гранату не докинуть. Противник должен это понимать. Он непременно будет штурмовать высоту и займет ее. Вот тогда в дело вступит главный аргумент...

* * *

Он так и не надел противогаз. Просто забыл о нем. И то, что во рту сейчас чувствовалась горечь, а делать вдохи стало больно, ему об этом не напомнили. Некогда. Он только сейчас остановил бронетранспортер. Дмитрию показалось, что помимо рычания двигателя он слышит что-то еще. Он высунулся из люка и прислушивался к звукам боя.

– Ты слышишь, командир? – обратился он к мертвому телу Скворцова, лежащему на сидении у левого борта. – Они все-таки напали на нашу базу. Ничего, командир. Ничего, – он снова нырнул в люк и, не закрывая его, рванул бронетранспортер с места. – Сейчас мы им покажем. Сейчас мы им отомстим за тебя, командир.

Весь рваный, бугристый и ухабистый рельеф местности, по которой мчался бронетранспортер, колеса машины обрисовывали с каким-то ожесточением, вбивая с каждым своим оборотом в судорожно сжимающие руль ладони Дмитрия.

– Сейчас, командир! Поможем нашим! Успеем! И за тебя они нам заплатят с процентами!

Теперь звуки боя становились уже отчетливыми, и рев двигателя броневика не перекрывал их. Впереди замаячили клубы черного дыма. БТР был все ближе к родной базе.

* * *

Расчет себя оправдал. Неприятель действительно спешно пытался занять оставленную защитниками высоту. Однако надо отдать должное и прищельцам. Часть из них продолжала рассредоточение по зарослям и не пыталась сжать всю свою живую силу в одном месте, рискуя быть уничтоженными одним ударом. Собственно, Стечкин и не думал, что они все как один ринутся в ловушку. Уж если эти неизвестные сумели в нынешних условиях добраться до Калининградского побережья неизвестно откуда, то в их мозгах должны присутствовать понятия о боевом рассредоточении сил, и чем это отличается от боевого сосредоточения. В данный момент было главным то, что все тяжелое вооружение они стянули на высоту. Пулеметы для эффективного кругового огня. Огнемет для большей площади покрытия горящей смертью. И еще двое тащили на плече по здоровенной трубе каждый. У труб были слегка выгнутые стальные щитки со смотровым застекленным окошком. Конечно, первое, что пришло в голову военному человеку при виде этих предметов...

– Панцершрек! Командир! У них панцершреки! – дернул за локоть Стечкина Борис.

– Панцершрек?! Боря, какого хрена?! Может, у них и панцер-осёл?! – зло огрызнулся Павел.

– Ты не понял! Гранатометы!

– Твою мать, я понял, что это гранатометы! Так и говори, гранатометы, а не шреки эти, черт тебя дер!

– Да я...

– Хорош трындеть, Боря! Их достаточно на холме! Давай карусель! Живо!

– Есть!

Колесников выхватил из поясной кобуры ракетницу, и красная ракета с хлопком взметнулась над полем брани.

Три БТР-80, плюнув дымом из выхлопных труб, вырвались из своих секретов и, быстро заняв круговые позиции вокруг холма, направили на вершину стволы КПВТ. Бронемашинны начали эту самую карусель. Двигаясь с одинаковой скоростью вокруг холма «хороводом», они поливали вершину огнем, перемалывая с грунтом и кустарником всех тех, кто пытался там закрепиться.

– Внимание! Отсекать тех, что по кустам, от коробочек! Свинца не жалеть!

Защитники продолжали вести огонь, однако был сектор, недосягаемый для прикрытия: поняв, что те их товарищи, что на холме, обречены, враг стал отступать в глубину леса. Однако при этом агрессоры стекались в одну зону, которую прикрывал от огня с базы тот самый холм. Когда в этой зоне стал проезжать один из бронетранспортеров, они прекратили отступление и принялись его обстреливать. Оказалось, что броня БТР-80 хорошо держит удар патронов «Штурмгевера» МП-44. К тому же помимо стрелка главного калибра, за броней сидело еще несколько бойцов, ведущих огонь из автоматов через бортовые бойницы. Тогда в руках двух нападавших возникли песочного цвета предметы, похожие на какие-то колотушки: длинная рукоять и здоровенная балда на одном конце. Это были фаустпатроны. Выстрел. Удар по корпусу. Взрыв. БТР остановился. Однако КПВТ продолжал вести огонь по вершине. Тем не менее стволы «калашниковых» в бойницах с пробитого борта замолчали.

– Что там такое?! – крикнул Стечкин.

– Кажись, коробочку подбили, Паша! – воскликнул Колесников.

– Твою!.. Боря! Давай «швейную машинку» в бой! Четвертое отделение! За мной! – майор сменил СВД на АК-74М и кинулся в сторону холма.

Справа от него что-то взревело, и Стечкин краем глаза заметил, что появился еще один бронетранспортер. Откуда? Бортовой номер 113 говорил о том, что это машина Скворцова. Не сбавляя темп, броневик заскочил за холм. Он закрыл своим корпусом подбитую машину, и теперь все внимание врага переключилось на него.

– Все командир! Приехали! – заорал Кошевой, быстро перебираясь с места механика-водителя к башне с главным оружием, стараясь при этом не задеть тело погибшего Скворцова. – Сейчас я им!..

Загрохотал пулемет, разнося сухой кустарник, наполненный врагом, в мелкие щепки. Удар фаустпатрона. Звон в ушах. Дмитрий продолжал вести огонь и орал, широко открыв рот. Еще удар из фаустпатрона. Рассудок помутнел. Все слышимое стало каким-то далеким и глухим. КПВТ перестал реагировать на желания контуженного стрелка вести огонь...

Из быстро раскрытых ворот одного из ангаров, свистя двигателем, выскочила «швейная машинка». Это была бронированная ЗСУ «Шилка» со счетверенными стволами «Амура» калибра 23 миллиметра.

Кошевой тряс оглушенной головой. Он как мог быстро выбрался из первой пробоины в своем броневике и принялся стрелять от бедра из автомата в сторону, где, по его предположению, был враг. Видеть он уже ничего толком не мог – не то от контузии, не то от отравления воздухом, не то от слез и шока.

– Скоро свидимся, командир, – пробормотал Дмитрий, обращаясь к мертвому Скворцову. Десятки пуль штурмовых винтовок врага стали кромсать его тело еще до того, как опустел рожок «калашникова». Последнее, что увидел боец, – как в разрыве облаков ему напоследок мигнуло солнце. Кошевой сделал последний хриплый вздох и упал в сухую траву на горячие гильзы.

Шквал огня из четырех стволов «Шилки» буквально срезал вершину холма с остатками противника на ней. Когда же боевая машина заехала за холм, к двум пораженным БТРа́м, она принялась просто выкашивать лес впереди себя вместе с теми, кто там был. Последний в

этом бою выстрел из фаустпатрона перебил «Шилке» гусеницу и остановил машину, однако не остановил огонь. Видимо, средства борьбы с бронетехникой у врага иссякли, поскольку один из отчаянных солдат противника подполз к «Шилке», оказавшись недостижимым для четырех скорострельных пушек «Амур». Он привстал прямо перед машиной, пытаясь забросить на обхват грохочущих и обжигающих волной раскаленного воздуха вперемешку с пороховыми газами стволов сумку с взрывчаткой. В этот момент прямо перед ним распахнулся люк механика-водителя. Показались сдвоенные стволы обреза охотничьего ружья. Выстрел дуплетом в упор, и люк захлопнулся одновременно с падением мертвого врага, настигнутого картечью.

– Гвардия! – заорал, сорвав с себя противогаз Колесников. – За мной! В атаку!

Со стороны холма раздалось громогласное «Ур-р-ра!», и вся рота, что держала оборону, двинулась добивать агрессора, ведомая Стечкиным и Колесниковым и прикрываемая двумя уцелевшими бронетранспортерами.

Глава 5

Если долго всматриваться в бездну

– Да ты садись, подкрепись с дороги. Чего сопишь-то, как лошадь загнанная? – Самохин указал на стул и миску с мелкими картофелинами, источающими пар и аромат. – Хочешь, шила налью?

– Некогда нам, товарищ майор! – отрезал гвардии старший сержант Андрей Михеев.

Свой ОЗК и противогаз, как и оружие, он оставил на первом внутреннем посту пятого форта и теперь стоял в кабинете главы общины в комбинезоне песочного цвета с черным ромбом и изображенным в нем танком на груди. – Нам помощь нужна!

Майор устался в низкий сводчатый потолок из красного кирпича и, вздохнув, покрутил пальцами пропитанную копотью стеклянную колбу настольной керосиновой лампы, разглядывая зловещую тень от своей руки на потолке.

– Слушай, а у вас там на складе электрокабелей нет хороших? До сих пор электричество к себе в кабинет провести не могу. Несolidно как-то... – Самохин, прищурившись, усмехнулся.

– Товарищ майор, да вы что, не слушали меня, что ли?! – воскликнул сорокалетний коротко стриженный Михеев.

– Ты чего голос повышаешь, сержант? – комендант форта слегка нахмурился. – Я все прекрасно слышал. А чего Стечкин сам не приехал?

– Так он обороной командует!

– Ну да, ну да. – Самохин покачал головой и съел картофелину. – Напали, значит, на вас...

– У нас уже потери есть! Лейтенант Скворцов, который со мной сюда ехал! На засаду напоролся...

– Да ты говорил. Ага, – тот снова покачал головой, изображая наигранное участие. – А все началось с того, что Стечкин кого-то на пляже застрелил. Да?

– Так он первый огонь открыл...

– Да это понятно... И вы, значит, просите десяток стрелков?

– Хотелось бы и больше, но один бэтэр вернулся на базу. А еще тяжелую технику. У вас же есть оставшиеся от седьмого полка два танка Т-72 и БМП.

– Вот как? Хм. А топливо? У них на один марш горючки. Дефицит, знаешь ли. Вот я про кабель и спрашиваю. Сколько можно топливо керосинками жечь? А мои разведчики только короткие куски все находят. Толку от этих скруток...

– Да возместим мы вам топливо! С лихвой! У нас в пределах досягаемости топливные хранилища инженерного батальона и балтийской базы. Переяславка недалеко опять-таки, с ее хранилищами. Все возместим. И кабель найдем, хоть на тысячу метров на шкиперских складах. Только помогите!

– Ну, сам понимаешь, такие вопросы с кондачка не решаются. Все-таки боевые действия. Кому помирать охота, когда такое пережили?

– Так ведь общая угроза...

– Ой ли? – усмехнулся Самохин. – Мы ведь никого на пляже не убивали.

– Что вы этим хотите сказать? – насторожился Михеев.

– Да ничего. Я говорю, надо совет общины собрать. Я же не могу единолично принимать решения. Это только в красноторовской колонии за всех думает Стечкин, а тут – хренова демократия, знаешь ли.

– Я что-то не понял...

– Да ты просто устал с дороги и от перенапряжения, – улыбнулся Самохин, вставая. – Ты пойди, мой адъютант тебя и водилу твоего на отдых определит. А мы тут решим. Не бойся, затягивать с ответом не будем.

Майор выдвинул ящик стола, извлек оттуда колокольчик и потряс им несколько раз. Дверь приоткрылась, и в проеме показалось рыжее, почти без бровей, лицо Борщова.

– Проводи товарища и его мехвода на отдых. Покорми. Умыться им воды дай.

– Понял, товарищ майор, – кивнул Борщов.

* * *

Загорский все-таки дошел до этого места. Причем – один. Сжимая всю волю в кулак и отгоняя чертов страх перед темнотой и подземельем, который поселился в его душе в тот последний поход с друзьями. Посветил кругом фонариком. Да. Тот же бетонный прямой коридор шириной около трех метров и высотой всего два, либо чуть больше. Крепления для кабеля в левом углу. Справа – широкий проем и площадка парапета. Винтовая лестница из ниоткуда в никуда. Вода в колодце. Вот и окурок самокрутки с желтым мхом, что курили Чел и Марля.

Александр извлек из рюкзака и поставил на пол лампу-коптилку, сделанную из 23-миллиметровой гильзы и подаренную когда-то Тиграном. Поджег промасленный фитиль, зажатый в ней. Благо, соседство и добрые отношения с разведчиком позволяли ему не только занимать такой светильник, но и регулярно пополнять свои запасы топлива для горелки. Тигран мог прийти с похода на поверхность ни с чем, но обязательно приносил слитое с какой-нибудь разбитой машины в городе топливо либо масло. А еще он обязательно нес из своего рейда красивую открытку. Даже самый бесплодный поход не огорчал его, если он приносил открытку с цветами или красивыми пейзажами, или умиляющими своим видом зверушками. Иногда казалось, что на самом деле у него где-то в жилище тайник с сотнями или даже тысячами этих открыток, и он достает по одной на выход, выдавая за найденную в городе. Может, так оно и было. Недаром ведь про Тиграна в общине в шутку говорили: «Кто хитрее из армян? Это братец Баграмян». Открытки он приносил соседке, обаятельной брюнетке Рите Гжель. Она являлась врачом общины. Не единственным, но одним из самых опытных. Училась ведь своему врачебному ремеслу не здесь, в так называемой провинции, а в престижном училище города Москвы, откуда и была родом, оказавшись в Калининграде прямо накануне всемирного апокалипсиса.

Ни для кого не было секретом, что Тиграну Рита нравилась и, скорее всего, даже больше, чем нравилась. Он и сам этого не скрывал. Старался красиво ухаживать. Настолько красиво, конечно, насколько это позволяли нынешние условия. Вот, например, посредством дарения по одной открытке после каждого своего похода в город. А еще частенько сказывался больным, чтобы оказаться у нее на приеме. Конечно, она на него в таких случаях ругалась. Но тем и отличалась Рита Гжель от многих других женщин, что даже ругала кого-нибудь изящно и ласково. Однако сей факт никак не успокаивал Александра Загорского, которому еще предстоял неприятный разговор с Ритой насчет избитого Марли. Во-первых, медичка жалела даже такого никчемного торчка, во-вторых, оный торчок теперь своим полутруповым состоянием обязывал ухаживать за ним и тратить на него материальные ресурсы медицинского отдела общины. Не то чтобы добрая и отзывчивая Рита не хотела ухаживать за больным. Просто зачем калечить друг друга, доставляя и без того загруженным работой медикам новых хлопот? Ведь здоровье у людей при такой жизни в сырости и подземелье и без того оставляло желать и желать лучшего. А еще угрозы внешнего мира и прочие радости выживания долгие годы за гранью всемирной катастрофы...

Загорский тяжело вздохнул, глядя в черный колодец, ставший последним пристанищем сгинувшего наркомана Чела. Потом достал динамо-фонарь и посветил в воду. Ни дна, ни тем

более тела еще недавно живого и крайне бестолкового спутника видно, конечно, не было. Вода была черна. То есть, конечно, прозрачна, но бездна колодца давала ей эту беспроглядную мглу, недавно поглотившую человека без следа. Александр еще какое-то время вглядывался в эту безмятежную бездну, ощущая запах сырости с привкусом копоти от гильзы-лампы. И вдруг он ощутил какое-то легкое беспокойство от своего пристального взгляда в колодец. Водяная мгла словно стала его манить, нашептывая глубинам подсознания безумную идею наклониться над бездной как можно сильнее и просто нырнуть туда. Загорский отпрянул.

– Тьфу, черт! – выдохнул он. – Вот же... Как там говорится: если долго всматриваться в бездну, бездна начинает всматриваться в тебя? Ну точно, мать ее...

Разговор с самим собой немного успокоил и помог упорядочить мысли, растворив эту грызущую сознание безумную идею, как соль растворяется водой. Крот стер выступивший на лбу холодный пот и, порывшись в своей наплечной сумке, извлек оттуда увесистое кольцо магнита от какого-то разбитого динамика. К магниту заблаговременно была крепко привязана бечевка. Примерно через каждый метр на ней красовался узел, позволявший судить о глубине.

Осторожно подсев к краю колодца, Загорский снова посветил на воду. Как ни странно, на стенках колодца были свежие влажные следы, словно вода колыхалась, пока он на нее не смотрел. Хотя, может, это следы от всплесков, вызванных падением в колодец Чела? В такой сырости они будут еще, наверное, долго, просто он их не сразу приметил. Главное, что то подлое наваждение, шепчущее мерзкое «занырни», больше не подкатывало.

Александр сел у самого края и стал неторопливо стравливать бечевку, опуская магнит в воду. Если и не удастся отыскать нож Тиграна, который упер покойный идиот Чел, то хотя бы узнать глубину колодца стоило. Бечевка ушла на метр. Он продолжал стравливать, подсвечивая фонарем. Два метра. Дна еще нет. Три метра. Дна нет. Четыре. Пять.

– Черт, да какая же здесь глубина?

Десять метров! Но ведь бечевка не бесконечна. Там осталось еще всего-то...

И тут Саша Загорский вздрогнул: бечевка резко натянулась. Но ведь если бы магнит, выступавший в качестве груза, достиг дна, то веревка, наоборот, должна была ослабнуть. Крот стал резко вытягивать бечевку обратно, чувствуя, как участился пульс, и похолодела спина.

– Блин! Чего это я? – выдохнул Загорский и замер. – Чего это я, в самом деле? Там, небось, железка какая-то. Вот и натянулось из-за магнита. Ну, точно.

Он уже собрался снова стравливать бечевку, продолжая поиск дна, как вдруг веревка резко дернулась, разгоняя круги на воде. И снова натянулась. Дернулась. И потянула вниз.

– Да что же это такое, а?!

Александр отложил фонарь и стал быстро выбирать бечевку двумя руками. К счастью, ее больше ничто не тянуло вниз. Но нервы Крота все равно были напряжены до предела. Вот уже мокрая веревка наматывается на руки, и эта влага напрягает еще сильнее, заставляя думать о Челе, которого она убила. О том, насколько эта вода бездонна. И конечно, о том, что какая-то чертовщина тянула вниз. Александр сопел от неприятного чувства, что веревки он стравил куда меньше, чем приходилось сейчас выбирать из этой заколдованной воды. И конечно, он смотрел вниз. В этот черный бездонный колодец. Теперь к холоду на спине и учащенному пульсу прибавились мириады волосков по всему телу, которые зашевелились. Стали топорщиться, словно пытаясь пронзить одежду и сделать человека похожим на перепуганного ежа. Ужас волнами проходил по всему телу. Ведь оттуда, из темной бездны, стал неясно проглядываться какой-то серый силуэт! Вот уже смутно различимо жуткое лицо – большое, круглое, с огромными провалами несуществующих глаз, устремивших свой потусторонний взор прямо на него, сидящего на краю бездны. И взгляд этот казался еще более бездонным, чем этот жуткий колодец.

Загорский судорожно схватил лежащий на холодном полу фонарь. Нажал на рычаг, вызывая спасительный свет диодов, и направил луч в воду. Там действительно ЧТО-ТО БЫЛО! И ОНО медленно поднималось из бездны!

– Мама!!! – заорал Александр и буквально отпрыгнул от края колодца. Сел на горящую гильзу, в одно мгновение обжегся и потушил ее своим телом. Выпустил бечевку, которая устремилась в воду. Выронил фонарь, который тут же погас, перестав получать импульсы на рычаг. Кромешная тьма окутала человека. По памяти он бросился в сторону родной общины. Туда, где есть свет и люди и нет этого дьявольского колодца. Но темнота сделала закованный в бетон подземный мир совершенно неузнаваемым. Уже через несколько шагов Загорский споткнулся обо что-то и упал, больно ударившись предплечьем. А еще ему показалось, что в момент своего бега, среди звуков собственного громкого, прерывистого дыхания и барабанной дробы сердечного ритма, он услышал сильный всплеск воды. Загорский прижался к стене и замер, сильно зажмурившись. Хотя зачем? Даже закрытые веки не дадут той темноты, которая окружала его сейчас. А уж каким подспорьем мраку был этот жуткий страх!

«Стоп, стоп, стоп! – мысленно зашептал себе Александр. – А чего это мы в таком предобкаканном состоянии, а? Ну да, магнит притянуло к железке. Может, к той же винтовой лестнице. А потом стал всплывать труп этого тупорылого укурка Чела. Все логично. Так чего я, собственно, испугался? Всплеска? Но я ведь слышал только собственный страх. Сопел с перепугу, как больной насморком слон. Шуршал ногами по бетонной крошке. Что я мог услышать там? Ну а если и был всплеск, то, быть может, это гильза упала в воду. Или фонарь. Или и то и другое. Блин! Хреново фонарь потерять...»

Он судорожно полез в свою сумку и нащупал охотничьи спички. Извлек их, но зажигать торопиться не стал. Затаился, даже поджав губы, чтобы не дышать. Нет. Все тихо. Тогда Крот, наконец, дрожащими руками зажег спичку и поднялся на ноги. Осторожно двинулся вдоль стены. Вышел к расширению коридора.

Вот и край колодца. Вон в полумраке винтовая лестница из ниоткуда в никуда. Вот и гильза. Вот и фонарь. Лежат у края. Загорский осторожно подошел к гильзе. Схватил ее. Черт! Горячая еще. Обжигая пальцы, сунул лампу в отдельный карман сумки. Поднял фонарь, пока спичка не потухла – не хотелось терять источник света. Только после того, как нажатие на рычаг вызвало свечение диодов, он отбросил догорающую спичку и посмотрел в сторону колодца. Несмотря на страх, Саша ощущал жгучее желание заглянуть в него снова. Он осторожно приблизился к краю и медленно присел на корточки. Вода колыхалась. Снова приступ страха. Однако никакого страшного лика с кромешным взглядом. И трупа Чела тоже не видно. Также исчезла и бечевка, которая, естественно, ушла вслед за утонувшим магнитом. Значит, тут больше пятнадцати метров глубины. Но насколько больше? Хотя сейчас не это главное. Главное, что нет тут ничего страшного. Просто черная колышущаяся вода, лениво облизывающая стены колодца. Но почему она колышется, черт бы ее побрал?!

Загорский отступил от края на пару шагов и осмотрелся, сопровождая свой взгляд лучом фонаря. Метрах в четырех дальше, у дальнего края колодца, он увидел то, что напугало его не меньше привидевшегося жуткого лика в воде. Это были мокрые пятна на сухом бетоне коридора. И пятна эти были не чем иным, как следами, уходящими дальше, в недра подземелья, куда Крот, – да и вообще никто из общины, – еще не ходил. Александр готов был поклясться, что, когда он явился сюда полчаса назад, никаких следов не было. КТО-ТО выбрался из ВОДЫ только что! И ушел туда, где сам дьявол чертей своих не пас!

Получив резкого и безжалостного пинка от собственного, разрываемого ощущением безграничного страха разума, Саша Загорский бросился бежать к своей общине.

* * *

Василий Борщов относился к тому типу людей, которым было недоступно взросление. Прошло немало лет после того, как он был призван в армию, и случилось то, что так и не позволило ему вернуться домой. Домом ему стало подземелье пятого форта, а единственным родителем – майор Самохин, водителем которого он давным-давно являлся по штатному расписанию. Рядовой Борщов так и завис в своем двадцатилетнем возрасте солдата срочника, где-то в глубинах сознания ожидавшего дембеля и озабоченного безграничной преданностью своему начальнику. Последнего он не только возил на давно утерянном «Уазике», но и попутно докладывал ему абсолютно все, что происходило в подразделении. Еще тогда он понимал, что его ненавидят за это. Но главное, что это ценит ХОЗЯИН. И именно эта собачья преданность держала его на плаву всегда. До катаклизма, охватившего обезумевший мир, и после него. Ведь пока есть ХОЗЯИН, существует и он.

Сжимая в руке факел, Борщов присел, чтобы протиснуться под обвалившимися конструкциями. Четыре метра неудобства и борьбы с клаустрофобией. Затем снова коридор, который кончался стеной с массивной дверью. Несколько лет назад долгие месяцы ушли на то, чтобы оживить этот массивный стальной монолит двери и вновь заставить открываться. За дверью тоже был завал, глухой и непролазный. Еще год ушел на его разбор и установку подпорок. Потом выяснилось, что дальше начинается коридор с множеством ответвлений. Какие-то помещения. Возможно, склады или бывший архив, возможно, секретный. В этой паутине знаменитый на всю общину Диггер-Крот и нашел тот коридор, исследованию которого посвятил с недавних пор все свое время. Правда, начало этих исследований ознаменовалось не очень хорошими событиями: один помощник Крота погиб, а второй получил от Загорского такую порцию люлей, что сейчас валялся в прескверном состоянии в лазарете. История была мутная, но до сих пор Самохин озадачивал себя совершенно другими вопросами. И только сегодня, после визита бронетранспортера из Красногоровской колонии, в приоритетах товарища майора, видимо, что-то изменилось...

– Вася! Борщов!

– Да, товарищ майор!

– Что там наши гости?

– Ну, апартаменты, как велели, я им выделил. Покушать, там, всякое...

– Ты, надеюсь, не забыл, что им нужно было подмешать?

– Конечно. Порошок из желтого мха. Они сейчас оба в отрубе. Нескоро в себя придут.

Как велели.

– Молодец, Вася. Это то, что нужно. У меня к тебе еще одно ответственное поручение.

– Слушаю...

– Этот придурок Загорский опять пошел в тот коридор, где недавний инцидент случился.

На сей раз один. Нагони его и верни. Мне он нужен очень срочно. И постарайся, чтобы он оттуда явился сразу ко мне. Есть одно крайне важное дело, в решении которого я рассчитываю на него.

– Понял, това...

– Не торопись в стойку вставать, Борщов. Я не договорил. Сделай это без лишней суеты. Чтоб ни одна душа. Ты понял? Не надо за ним отправлять никого. Я знаю, что многие мои поручения ты местным никчемным молодым задротам поручаешь. А *это* выполнишь сам. Лично, понял?

– Так точно...

– Смотри у меня! Все. Я жду с нетерпением. Ты еще здесь?..

И вот теперь Борщов шел уже за той массивной дверью, факелом освещая себе путь в хитросплетениях коридоров и помещений. Заблудиться здесь можно в два счета. К счастью, Крот пометил стены стрелками, рисуя их пастельными мелками и добавляя над каждой последовательность цифр, что еще больше облегчало ориентирование в этом лабиринте.

Василий неторопливо ступал, морщась от хруста штукатурки под ногами. А еще пол был устлан обломками каких-то деревянных тар и битыми лампами накаливания. Даже пара обрывков газет попалась. Подняв один такой обрывок, Василий ничего не понял. Все на непонятном немецком языке. Можно было разобрать только дату. Вроде как январь 1945 года. Он отбросил клочок пожелтевшей бумаги, старой настолько, что она готова была рассыпаться, как пересушенный гербарий. «Очередная стрелка. Над ней цифра пятьдесят два. Дальше. Стрелка, пятьдесят три. Дальше. Кажется, выходим на финишную прямую».

Действительно, стрелки больше не приглашали свернуть за угол. Они вели вперед по одному длинному коридору, в котором все реже попадались боковые ветки и помещения, а теперь они и вовсе пропали. Только длинная прямая с заметным уклоном вниз. Стрелка № 86. Впереди уже замаячила еще одна массивная дверь, слегка приоткрытая. Петли ее заржавели настолько, что заставить дверь шевелиться так и не удалось. Но, видимо, и не особо пытались, учитывая, что в зазор может протиснуться человек.

Подойдя к чернеющей щели проема, Борщов остановился. Оттуда, из темноты, слышался какой-то ритмичный нарастающий звук. Василий прислушался. Точно! Приближающийся топот и какое-то жуткое мычание, подпевающее этому топоту. Что же это такое?!

Борщов попятился, выставив перед собой факел. А топот был все ближе.

* * *

Дыхание совсем сперло. Казалось, он глотал бетонную пыль, и протестующие против такого ритма и страха легкие выльются сейчас вместе с подкатывающей к горлу рвотной массой. Его не смутил маячивший впереди свет в щели, который, по идее, должен быть черным. Он просто не думал об этом свете. Все мысли поглотил страх того, что позади. Колодец. Лестница из ниоткуда в никуда. Страшный взгляд из-под воды. Всплеск и мокрые следы. К черту все! Вперед! Подальше от всего этого!

Загорский влетел в дверную щель, больно ударяясь о кромку массивной и ржавой железной двери. Сумка зацепилась за поручень, и ляжка оторвалась. Крот машинально подхватил падающую сумку рукой и... Яркий свет, жар, жуткий крик чего-то мягкого, во что он врезался.

Они повалились на крошку осыпавшейся штукатурки этого коридора. Кто-то напуганно вопил совсем рядом. Александр размахнулся и с силой саданул сумкой его по голове.

– Крот, падла, это ты?! – взвизгнул «кто-то». – Какого хрена ты творишь, урод?!

Диггер замер и уставился на распластавшегося человека, сжимающего в дрожащей руке горящий факел. Это был Василий Борщов.

– Что?! – заорал Загорский.

– Это я тебя спрашиваю, придурок чертов! Что такое?! Зачем меня ударил?!

– Ты что здесь делаешь?!

– Тебя ищут, идиота кусок!

Александр вскочил на ноги и со всей силы навалился на ржавую дверь.

– Помоги! – закричал он, изо всех сил пытаясь заставить ее закрыться.

– Зачем?!

– Помоги, ну!

– Что там?

– Не знаю и знать не хочу! Да помоги же!!!

Они навалились на дверь вдвоем, но все их попытки остались тщетными. Тогда Крот зарычал от злости и бросился бежать, подхватив сумку. Борщов кинулся следом.

– Постой! Да что такое?! Объясни ты толком!

Однако Загорский не отвечал. Он бежал, тяжело дыша и поглядывая на оставленные им на стенах метки. «Семьдесят восемь, семьдесят семь, семьдесят шесть... сорок четыре?!.. Черт! Не туда! Вот! семьдесят пять, семьдесят четыре, семьдесят три...»

Наконец они достигли первой двери, задев деревянные балки распорок, установленных в месте расчищенного завала. Выскочили из лабиринта, и Загорский снова навалился на дверь. Эта поддавалась и закрылась. Тогда Крот приложил все усилия, чтобы опустить массивный запор – подхватил большой обломок бетона и принялся колотить по его неподатливой ручке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.